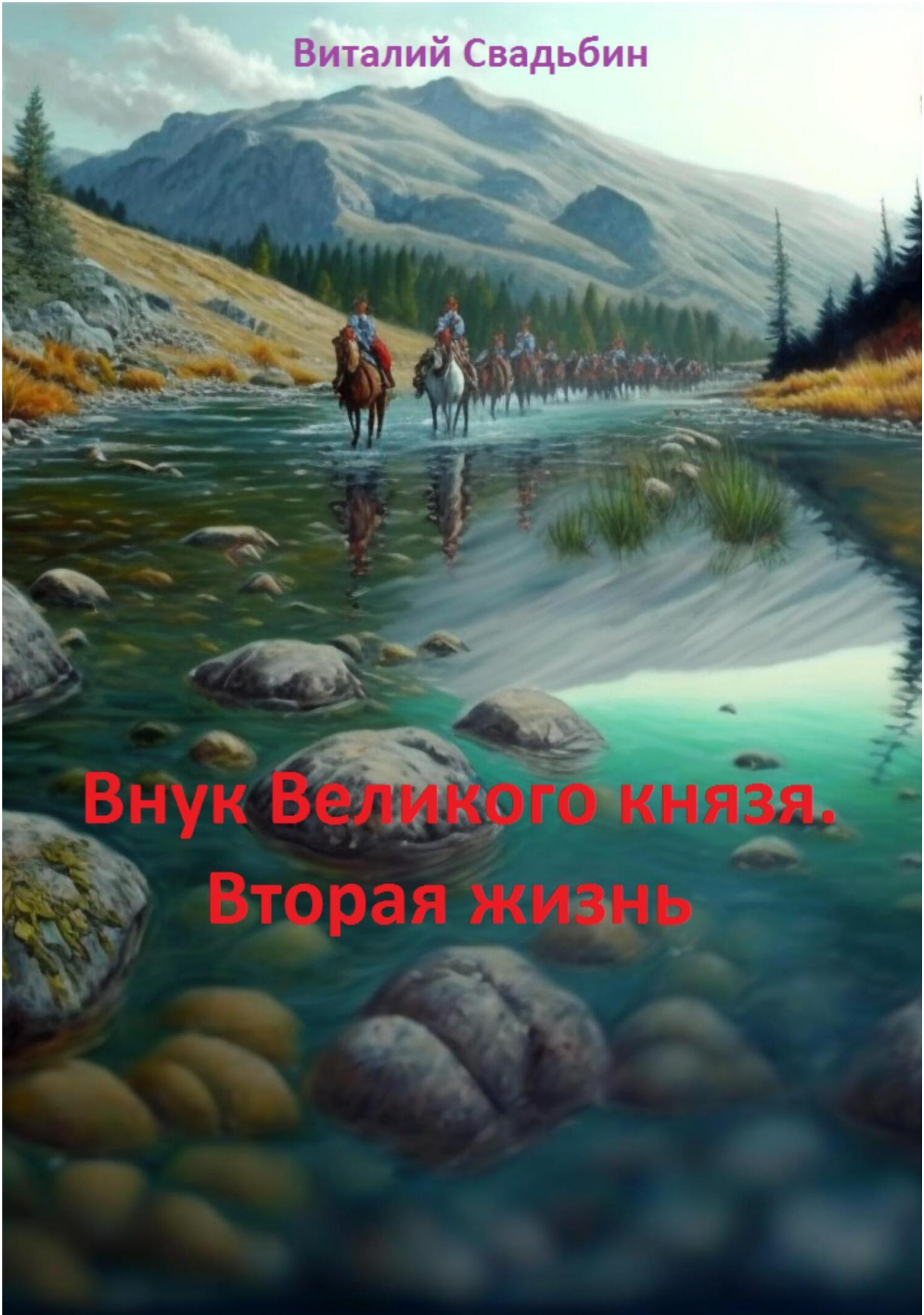
Виталий Свадьбин



Внук Великого князя. Вторая жизнь

Виталий Свадьбин

Внук Великого князя. Вторая жизнь

«Автор»

2021

Свадьбин В.

Внук Великого князя. Вторая жизнь / В. Свадьбин — «Автор», 2021

В Солнечную систему, к планете Земля, прилетели гуманоиды из Галактической Империи для проведения эксперимента по переносу сознания землянина в другой параллельный мир, который отстаёт от нашего времени на сто лет. Цель эксперимента - понять сможет ли один человек направить развитие истории по другой ветке. Донором взят наш современник, отставной полковник разведки. Дмитрий Рюмин. Его сознание переносят в тело молодого офицера царской армии, внука Великого князя и бастарда. Дмитрий просто служит новому Отечеству. При этом зная по своей истории все проблемы, принимает меры, порой радикальные. Но это не смущает его. Ведь ему предстоит прожить в этом мире вторую жизнь. Будет или нет эксперимент инопланетян удачным? Узнаем прочитав книгу. (обложка выполнена автором в нейросети Mijourney)

© Свадьбин В., 2021
© Автор, 2021

Содержание

КНИГА 1. Вторая жизнь. 6
Глава 1. 10
Глава 2. 17
Глава 3. 23
Глава 4. 31
Глава 5. 41
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Виталий Свадьбин
Внук Великого князя. Вторая жизнь

История – это порой то, чего
никогда не происходило,
описанное тем, кто никогда
там не был…
(Энрике Понс)

От автора: Данная книга написана с помощью фантастического вымысла автора. Исторические названия и персонажи использованы только с целью художественного повествования. Любые совпадения не являются историческими фактами.

Жернова истории вращаются в одну сторону. Возможно кто то считает, что изменить историю невозможно. Может это и так. Опровергнуть пока никто не смог. Есть разные версии учёных о параллельных реальностях, к сожалению только версии. А что если в жернова истории бросить камень, один единственный? Возможно жернова размелют его в пыль. А если камешек окажется твёрд как алмаз? Сможет ли колесо истории начать менять курс в другом направлении? Я не учёный, потому могу пофантазировать, делая предположения. И ещё в этом произведении много «роялей в кустах». Не судите строго за такое допущение. Будущим читателям желаю приятного времяпрепровождения за чтением данной книги.

КНИГА 1. Вторая жизнь. Предисловие.

Лето 1876 года, дворец Великого князя Михаила Николаевича – «Михайловка».

Во дворце Великого князя Михаила Николаевича, в одной из комнат его дочери сидела, на кровати, и плакала очень симпатичная девушка. Хотя сказать симпатичная мало – скорее юная красавица. Это была Настюшка, как называла ее мамка и кормилица Варвара. Ну а для остальных, это была дочь Великого князя Анастасия Михайловна, причем дочь любимая и вся семья беззаветно баловали ее. Мамка Варвара пришла пригласить принцессу на завтрак.

– Ваше высочество, ваше высочество! Завтрак накрыли, государыня приглашает к столу, – запыхавшись произнесла Варвара, уж сильно она торопилась к своей ненаглядной принцессе, которую любила всей глубиной своей души.

Варвара к этому времени была женщиной, у которой возраст перевалил за 45, была крепкой по здоровью, детей своих не имела, была дочка но умерла в младенчестве, а более как говорится «Бог не дал». Исполняла роль мамки и няньки, другие слуги даже в некоторой степени побаивались ее, решительной была Варвара, рождением из казачьего рода. Могла она за свою Настюшку не только девок за косы оттаскать, но и запросто отвесить подзатыльник кому нибудь из мужиков. Муж ее, Семен, погиб на Кавказе, во время поездки Михаила Николаевича в те места, закрыв своим телом Великого князя, от пули абрека. С тех пор и жила Варвара при княжеской чете. Совпало так, что родилась у нее дочь одновременно с дочерью князя, тогда она и стала кормилицей Анастасии Михайловны. Дочка Варвары умерла через год после рождения Настюшки, от какой-то неизвестной болезни. Варвара вошла в спальню принцессы и увидела плачущую княжну. Быстро подойдя к ней она приобняла свою принцессу и поглаживая ее по голове стала успокаивать Анастасию.

– Что случилось, солнышко ясное? Кто посмел обидеть нашу звездочку? – ласково стала приговаривать Варвара.

Анастасия Михайловна молчала, но всхлипывать стала меньше. Нянька всегда благотворно действовала на нее. «Как же рассказать мне ей? Ведь позора не оберешься. А что скажет батюшка? Об этом даже думать не хочется»: пронеслось у нее в голове. Постепенно воркование и слова няньки возымели свое действие, Анастасия начала успокаиваться. Няня умела хранить секреты и княжна не раз доверяла ей свои девичьи тайны. Анастасию словно прорвало и рассказала она о своих переживаниях, подозрениях и дальше больше о том, что произошло почти три месяца назад.

Чуть больше двух месяцев назад Анастасия Михайловна была приглашена в столице на бал, по случаю приезжали они с маменькой и Николя, старшим братом, в Санкт-Петербург. Там то она и попробовала впервые шампанское, которое ударило ей в голову, а князь Дмитрий Петрович Багратион, который ухаживал за ней весь вечер, хоть и был моложе ее на три года, тоже выпил шампанского прилично. Гвардейские офицеры не стесняясь спаивали молодых отпрысков достойных семей, вот и перебрал Багратион. Позже уединились они в одной из комнат, где все произошло, начавшись с поцелуев, а закончилось вполне логично. Анастасия потеряла девственность, хоть и неумелым был князь по молодости, однако дело довел до логического конца. Анастасия и не поняла даже тех прелестей о которых говорили девицы на балу, было просто больно и кровь, в результате испачканное белье. Анастасия постаралась незаметно покинуть бал, и даже дома удалось все скрыть. И вот теперь не праздна она больше двух месяцев.

– Ты не говори никому про князя Дмитрия! – твердо произнесла княжна, глядя в глаза Варваре.

– Как же, сокровище мое? Такого не скроешь, – тихо произнесла Варвара.

– Крест целуй, что тайну сохранишь! – твердо произнесла Анастасия, глядя в глаза няньке.

– Хорошо, сделаю всё, чтобы не навредить, – прошептала Варвара и достав свой крестик поцеловала его.

– Вот только что скажут папенька и маменька? – со вздохом произнесла княжна.

– Я сама все сделаю и скажу, – уже громче сказала Варвара, правда как это сделать, хоть убей не знала.

Прошла неделя. Варвара все никак не могла подступиться с таким щекотливым вопросом к князю. Как подумает, так душа в пятки уходит. И хоть ругай, хоть не ругай молодого Багратиона, да только не изменить того, что теплится в Анастасии новая жизнь. Однако Варвара набралась смелости и когда служанка несла кофе князю в кабинет, забрала у нее поднос и зашла к Михаилу Николаевичу. Великий князь стоял возле стола, на котором лежали карты и различные бумаги, в руках он держал карандаш. Лицо его было задумчивым и сосредоточенным. Варвара поставила поднос на край стола, на несколько секунд замешкалась, а потом бухнулась на колени, как в омут с головой.

– Батюшка государь, выслушай меня, – проговорила Варвара, упершись лбом в пол.

князь поднял голову и посмотрел на Варвару. Удивление его было столь велико, что брови поднялись вверх. Несколько минут он не проронил ни слова, пытаясь сообразить что происходит.

– Что произошло? И пожалуй встань с колен, да расскажи мне внятно, в чем дело, – произнес он твердо и негромко, хотя удивление сквозило в его словах и взгляде.

Варвара медленно поднявшись с колен рассказала о приключившейся беде, позор своей принцессы она по другому и не воспринимала. Но имя виновника не произнесла отговорившись незнанием. Во время рассказа князь сломал карандаш, лицо его побледнело. Однако самообладание князя не покинуло.

– Сколько времени прошло? – хрипло спросил он.

– Почитай третий месяц доходит, – испуганно ответила нянька.

– Ольга Федоровна знает? – снова хрипло спросил он и взял стакан с водой со стола, торопливо выпив его.

– Никто не знает, только я, – медленно произнесла Варвара.

– Значит виновник неизвестен, – произнес князь мрачно, вцепившись в край столешницы, лицо его приобрело грозное выражение.

Варвара испуганно смотрела на князя. Несколько минут в кабинете князя стояла гнетущая тишина.

– Ступай и смотри чтоб ни одна живая душа об этом не узнала, – произнес князь и отвернулся к окну.

Варвара пятясь назад тихонько вышла из кабинета, она и сама была напугана видом князя, а в голове крутилась молитва «Матушка Пресвятая Богородица спаси и сохрани». Нянька двинулась в сторону комнаты Анастасии Михайловны.

Михаил Николаевич стоял возле окна, но ничего не видел, мысли вихрем неслись в его голове.

«Что же будет? А сколько шипения его недругов и завистников? Царская семья такому известию не обрадуется. Как она могла? И кто тот негодяй, который осмелился так поступить с ней? Может все произошло против ее воли?». Великий князь стоял и размышлял, пытаясь найти правильный ответ на свои вопросы. Забот хватало у наместника Его Императорского Величества на Кавказе и командующего Кавказской армией, а тут такое происшествие с дочерью. Дочь Михаил Николаевич любил несомненно больше чем сыновей, а их было шестеро. Князь начал ходить по комнате, заложив руки за спину, хотелось найти какое-то решение.

Через полчаса решив поговорить с дочерью он направился в ее комнату. По дороге князь отдал распоряжение адъютанту.

– Найди мне ротмистра Степанова, пусть прибудет ко мне через час, – сухо проговорил он.

Через несколько минут он входил в комнату дочери.

Разговор получился непростой. Михаил Николаевич не кричал на дочь, но речь его была убедительна. Хотя имя виновника Анастасия отказалась назвать категорично. Разговор с дочерью затянулся на два часа. Велев ей все хранить в тайне, пока даже от Ольги Федоровны, князь вернулся в свой кабинет. Решение в какой-то мере было принято им. Ротмистр Степанов уже ожидал князя.

– Илья Николаевич, вы человек чести и давно служите под моим началом. Мне не раз довелось убедиться в вашей преданности и порядочности, – начал разговор Михаил Николаевич, едва они остались одни в кабинете.

– Ваше Высочество, я всегда к вашим услугам, – спокойно произнес Степанов.

Несомненно были у Великого князя люди которым он мог доверится полностью. Взяв слово чести с ротмистра о хранении тайны, князь обговорил с ним дальнейшие действия.

– Очень деликатно, узнайте с кем она могла быть. Времени у вас немного. Могу предположить, что все произошло на балу в Петербурге в начале лета. Требуется во что бы то не стало сохранить максимально в тайне и без скандалов. Я на вас надеюсь, – закончил разговор князь.

– Не сомневайтесь Ваше Высочество, будет исполнено в кратчайшие сроки, – ответил ротмистр и щелкнув каблуками с поклоном головы, вышел из кабинета.

После полудня Михаил Николаевич более менее успокоился, у него созрел план дальнейших действий. «Надо отписать письмо войсковому атаману Рытикову Кузьме Тихоновичу, чтобы прибыл ко мне в Тефлис. Рытиков надежный человек, не откажет в помощи. Крымская война да и война на Кавказе даром не проходят. Боевое товарищество это не баран чихнул, не забывается. Анастасию отправлю за границу и Варвару с ней, чтобы присмотрела. В охрану поедут казаки, кстати там есть родственники Варвары. Организует все ротмистр Степанов. Не следует к этому привлекать много народа».

Ротмистр Степанов сдержал слово. Без шумихи он выяснил что виновником такого деликатного дела, про всей вероятности, был юный Багратион. Через десять дней он выехал вместе с молодым князем к Великому князю. О браке молодых людей речь не велась, у Михаила Николаевича были другие планы на замужество дочери. Решили, что ребенок останется внебрачным, а молодой Багратион поклялся словом чести, что все останется в тайне, хоть и напуган он был таким известием. С Рытиковым Кузьмой Тихоновичем Великий князь встретился в имении, в Тефлисе. Казачий атаман все понял правильно и решил оказать Великому князю полное содействие. В августе этого же года Анастасия Михайловна выехала на юг Франции, под видным предлогом обучения художественному искусству и философии. Туда же поехали казаки для охраны и сноха Рытикова на сносях, у которой срок беременности был как и у дочери Великого князя. Срок проживания Анастасии Михайловны за границей был большой, потому Великий князь был вынужден посвятить в тайну и свою супругу Ольгу Федоровну.

Весной 1877 года началась война с турками, где Российская империя приняла участие вместе с Балканскими странами. Забот у Великого князя прибавилось. В это же время на юге Франции произошли события, совсем не мирового масштаба. Дочь наместника Его Императорского Величества на Кавказе родила сына в день начала русско-турецкой войны, 12 апреля. Нарекли мальчика Иваном, таково было пожелание Анастасии Михайловны. Днем раньше казачка Аксинья из станицы Марьинской родила мальчика, которого назвали Григорием, она же и взяла на себя роль кормилицы внука Великого князя Ивана. Младенца выдали за второго сына казачки, о чём были распущены нужные слухи. Истинную правду знал сам Кузьма Тихонович, его сын Василий и невесткаАксинья.

Наступило лето 1877 года. В начале июня Анастасия Михайловна вернулась в Ново-Михайловский дворец на Дворцовой набережной, а казачка Аксинья поехала в станицу Марьинскую в сопровождении атаманцев верных Рытикову Кузьме Тихоновичу. С Аксиньей поехали оба мальчика Иван и Григорий, которых выдавали за детей молодой казачки. Михаил Николаевич решил что Ивана пока будут держать в семье казаков. Шла война и Великий князь решил, что позже он займется судьбой незаконнорожденного внука.

Дальнейшее детство Ивана проходило среди казачьих детей, что несомненно отложилось на его характере. Михаил Николаевич приложил достаточные усилия для образования внука при полном содействии Рытикова. В январе 1878 года Анастасию Михайловну выдали замуж за великого герцога Макленбург-Шверинского Фридриха Франца 3-го, и да, это был династический брак. Как ни странно слухи и сплетни не разошлись, все оставалось в тайне, в которую были посвящены небольшая группа людей.

Глава 1.

Межгалактический форпост в солнечной системе, рабочее место наблюдателей.

У монитора с приборами сидел наблюдатель-7, он недавно закончил Академию и был распределен в Корпорацию наблюдателей. Контракт ему подписали на три года и отправили на задворки Вселенной, в систему звезды Карлика. И вот сегодня его первое дежурство. В помещение зашел наблюдатель-5.

– Ну как твое первое дежурство? Не скучаешь? – смеясь спросил он у молодого соратника.

– Вроде некогда скучать. Вон целая стопка методичек и уставов, изучаю, – ответил молодой, хотя разница в их возрасте была всего лишь пять лет.

– Тебе повезло, в твое дежурство будет проведен прокол в слоях параллельных реальностей. Через несколько часов закончат настройку и ты поучаствуешь в знаменательном событии, – снова засмеялся наблюдатель-5.

– Чего уж тут знаменательного? – полюбопытствовал наблюдатель-7.

– Разве не знаешь? Такие эксперименты проводят не так часто, в лучшем случае раз в пятьдесят лет, по времени этой планеты. Скажу тебе по секрету, ни разу не проходили удачно, бывает что энергетический набор донора гибнет не приживаясь в реципиенте. Для меня это тоже в первый раз. Если все пройдет удачно всех участников ждет повышение в корпорации, или хорошая премия – пояснил наблюдатель-5, усевшись в соседнее кресло.

– Зачем нужны такие эксперименты? Разве мы не для того чтобы просто наблюдать? – спросил наблюдатель-7, проявляя неподдельный интерес.

– Высоколобые умы в Корпорации получили разрешение от Императора на проведении коррекции исторического развития. Кто-то отхватил Грант на это дело, в том числе на изготовление оборудования. Параллельные слои идут в одном направлении развития, с небольшими отклонениями, вот и хотят иметь доступ к коррекции. Хотя всё находится в стадии эксперимента. Вроде и прошлый раз эксперимент прошел неудачно, реципиент погиб. Может у нас что получится более успешно. Тогда нас ожидает звездопад поощрений, – снова пояснил наблюдатель-5.

– Интересно, как это все происходит? – снова спросил молодой.

– Знаю, что в прокол зайдет энергетический зонд, он же и заведет донора, а дальше мы будем получать картинку и писать отчеты о влиянии на историческое изменение, если таковое будет.

– А если не получится? – снова спросил молодой наблюдатель.

– Если не получится, то проведут еще две попытки. При неудаче этот слой закроют, точнее прокол ликвидируют. Будут работать с другим слоем, – пояснил наблюдатель-5.

– Слушай а почему в нашем Секторе? – не унимался наблюдатель-7.

– Уровень развития гуманоидов. Он слишком низкий в этом секторе. Вот и экспериментируют. Хотя сказать честно, никто не обладает такой технологией, только Империя. Ты ведь тоже подписывал дополнительно к контракту документы о неразглашении, – произнес старший соратник и посмотрел на молодого.

– Да, конечно, просто подробности не знал, – ответил дежурный.

– Кстати донор уже определен и реципиент тоже, так что в твое дежурство все и произойдет, станешь как и все мы участником знакового события, – вновь заулыбался наблюдатель-5.

По репродуктору прозвучало сообщение: «Наблюдатель-5, пройдите в бокс номер три». Сообщение повторили еще несколько раз.

– Ладно не скучай, пойду на вызов. Через несколько планетарных часов начнется. Как освобожусь еще заскочу к тебе, – произнес наблюдатель-5 и хлопнув по плечу соратника вышел из помещения.

Лето 2019 года. Россия, Москва.

Я сидел на скамейке в сквере и читал свежую газету «СПОРТ-ЭКСПРЕСС». После обеда двинусь в конную школу, есть у меня такое увлечение на лошадках кататься. Хотя увлекаюсь не только этим, регулярно посещаю спортзал занятий фехтованием, нравится казачьей шашкой помахать. А что еще остается отставному полковнику ГРУ шестидесяти четырех лет от роду. Правда читаю лекции в спецшколе по нашему ведомству, да иногда приглашают как консультанта. Семьей я так и не обзавелся, все время служба забирала. Да и помотало меня по шарику, какая уж тут семья. Была правда женщина в молодости, но увы не срослось. А позже только краткосрочные интрижки, не более. Такие романчики сделали из меня просто бабника и закоренелого холостяка. Вот так и прошла жизнь Ивана Дмитриевича Рюмина, то бишь моя, по рельсам службы Отечеству. Потомственный офицер, потому как и отец, и дед, и прадед все служили, так что и передо мной тоже не стоял выбор, было все ясно сразу. Отец мой служил в СВР, служба внешней разведки, поэтому детство мое частично прошло за бугром. Мама лингвист и тоже имела отношение к дипломатическому корпусу. Знание языков мне прививали с детства. Стандарт в нашей семье это английский, немецкий, французский. Есть у меня еще и младшие брат с сестрой. Их эта стезя не обошла стороной. Братец служит в СВР, а сестра поработав в дипкорпусе, сейчас преподает в МГИМО. Брат и сестра семейные и дети у них есть, а я вот бобылем живу. Хотя питаю слабость к племяннице, дочери сестры, Алене. А она без стеснения пользуется моим расположением. У нее даже в моей квартире своя комната, а я и не возражаю, все таки родной человек, да и отношения у нас очень дружеские. Она историей России увлекается, так что через племянницу получаю интересную информацию, а иногда и она через меня. Вот сижу размышляю о том как жизнь проходит, вспоминаю как и где довелось поучаствовать. Знание языков, в процессе службы, добавил испанский, китайский, японский, могу и на арабском пообщаться, приходилось бывать в разных местах.

До генерала так и не дослужился, хотя предлагали остаться в рядах, да только здоровье стало подводить. В прошлом году консультировал в Сирии и словил там пулю шальную. Видимо запас везения исчерпал за свою жизнь. Решил «баста», поживем гражданской жизнью, ну или полу гражданской, таких как я бывших не бывает. Взглянув на часы пошел на выход из сквера, сейчас перекушу и в конную школу. А вечером меня пригласил сослуживец у него юбилей шестьдесят лет, непременно надо будет поздравить, обязательно зайду.

В конной школе конюх предложил мне молодого жеребчика.

– Иван Дмитриевич, вы опытный наездник, может поработаете с Бураном, молодой жеребец? – обратился он ко мне.

– Почему бы и не поработать. Давай выводи своего мустанга, – смеясь согласился я.

Я конечно не ковбой в прериях, но в седле держусь уверенно. Вывели Бурана, а он строптивый по всей видимости, храпит и косит на меня глазом своим. Видимо недоволен. Оседлал его, уселся в седло, жеребец сначала подёргался, а потом вроде ничего – слушается. Проехал на нем несколько кругов, а потом он вдруг заскакал, запрыгал как козел. Я и не понял, что произошло со скотинкой. При падении я попытался сгруппироваться и сам не понял чем, но получил удар в голову, в район виска. Черт! Неужели жеребец лягнул? Это последнее что пронеслось в голове. В глазах резко потемнело и последнее, что я слышал «Иван Дмитриевич, Иван Дмитриевич!» Но чей это был голос я уже не разобрал.

2019 год. Межгалактический форпост в солнечной системе, рабочее место наблюдателей.

В помещение дежурного снова зашел наблюдатель-5.

– Эксперимент запущен, – без приветствия сообщил он соратнику.

– Будем надеяться, что все пройдет штатно, – поддержал его наблюдатель-7.

– Кое-что разузнал, у донора будут увеличены параметры, – поспешил поделиться наблюдатель-5.

Параметры?

– Ну да. Добавят по физическим данным и по интеллектуальным. Будет физика у реципиента чуть выше, чем средний стандарт, ну и умственные способности, память или доступ к подсознанию гораздо выше, чем у стандартного землянина. А подсознание донора будет качать информацию из Вселенной, правда в ограниченном доступе, по уровню развития того слоя, откуда донор. Перестраховываются скорей всего, хотят чтобы эксперимент чище сработал, – пустился в объяснения наблюдатель-5.

Оба наблюдателя сосредоточили внимание на экране монитора.

Май 1900 года. Маньчжурия. КВЖД южное направление. Харбин.

Я очнулся, хотя нет. Правильно сказать сначала я услышал голоса, а перед глазами попрежнему стояла темнота. Говорили девушки или молодые женщины, а может просто голоса молодо звучат.

– Матушка, Ирина Ивановна, что деется. С утра снова казачий офицер приезжал, как его.... аха, полковник значитца. Ругался снова на Романа Иссидоровича. Все о нашем пациенте выспрашивал. А ведь он христовый ужо пять деньков как лежит без сознания. Спаси и сохрани его Царица небесная! – говорит одна, по разговору вроде как простая женщина.

– Ты Анастасия, не части так. Роман Иссидорович хороший врач и хирург неплохой, все что нужно он уже сделал, а остальное в руках Божьих. Здоровье молодого офицера может сильное, глядишь и очнется, – отвечает видимо Ирина Ивановна.

– Жалко его, молоденький, да ладненький офицер. Ээх, горюшко какое. Видно важная птица, раз его казаки охраняют, даже вон возле окна двое сидят. А кто он такой? Может вы, Ирина Ивановна, знаете? – снова проговорила простая женщина.

– Хватит причитать! Давай-ка Настя, открой окно, проветрить палату требуется, через час закроешь. Да пойдем, у нас дел невпроворот, – снова ответила Ирина Ивановна.

Послышался звук открываемого окна и звук шагов, видимо женщины ушли. Темнота в глазах стала проходить и я попытался открыть глаза. Белёный потолок, светло-зелёная окраска стен. На улице похоже тепло, приятный такой ветерок задувает в окно. Возникает вопрос где я и что со мной. Что я там последнее помню? А, точно, кто то меня по голове приложил. Мустанг наверно копытом поблагодарил и сейчас я в какой то санчасти. Попробовал пошевелиться. Черт! Болью как прострелило во всем теле, аж голова закружилась. Успокоившись немного полежал закрыв глаза. Так попробуем снова осмотреться. Голова перевязана и рука вроде вместе с плечом, а нога то зачем перевязана бинтами. Это что, злобная коняшка потопталась на мне? Ничего не помню толком. В открытое окно послышались мужские голоса, я прислушался.

– Степан, табачком не поделишься?

– От чего же не поделиться, угощайся. У меня ноне с табаком порядок. Обменял карамультук и ещё кое-чего на базаре, которые давеча у узкоглазых забрал. Сапоги гляди новые и табаку прилично китаёза отвесил, – ответил видимо Степан.

– Это которые? А то у меня то ж трофеи есть, съезжу обменяю.

– Вечерком сменимся, съездим я тебе покажу. Слухай, Петро, урядник сказывал, что на довольствие нас поставил, дескать полковник приплатил местной харчевне, чтоб значит нам сюды прокорм подвозили и для коней тоже, – это говорит Степан (начинаю различать их).

– Это да, так и есть. От нас требуется беречь их благородие. А мы что? Мы запросто. За такого командира хоть куда. Слышь, Степан, правду говорят что наш командир из казаков будет?

– Утверждать не буду. Знаю он из благородных, княжеской крови, а вырос в нашей станице, в одной дворянской семье жил, все думали что казачьего роду он, а потом оказалось что князь.

– Да ну? Неужто князь. А науку нашу казацкую хорошо понимает, правильное воспитание у нашего командира, без казачьей науки точно не обошлось. Вот взять к примеру на кулачках, может получше любого казака, да и прихватки наши ему знакомы. А такому делу казаки чужого учить не будут, – это Петро рассуждает.

– Петро, ты хорунжего Григория хорошо знаешь? Тот что из Рытиковых, Василия Кузьмича сын.

– А как же, знаю неплохо, он с Марьинской станицы, да и дворянского роду они.

– Вот и говорю. А я с ним с одной станицы, почитай его с детства знаю. Отец его ноне генерал-майор. А наш командир воспитывался у них с самого возраста от бабьей сиськи. Поначалу их совсем за братьев принимали, уж потом выяснилось, что наш командир Иван Дмитриевич, князь. Самый что ни наесть настоящий. Но об этом в станице не болтают, старый атаман, Кузьма Тихонович, крут был всегда, за длинный язык быстро плетей выпишет. Вот языки особо и не чешут. Даже бабы. А обучали казачат, старые пластуны. Есть у генерала на Кавказе знакомцы. А те кому попало наукой не разбрасываются, не всякого казака в учение берут.

– Слыхивал я Степа, что нашему командиру чин скоро поднимут.

– А как же, да и есть за что. Глядишь штабс-капитана дадут, хоть и молод он. С полусотней казаков две сотни узкоглазых порубали. Эх! Все таки лихой казак их благородие, хоть и князь, – сделал вывод Степан.

– Я тоже так думаю. Пока мы в патруле были по железной дороге, вы говорят полусотней с командиром здорово порезвились, – продолжает разговор Петро.

– Было дело. Пограбили хунхузы русское поселение и рабочих железной дороги, даже кого то побили до смерти. Ну наш поручик и взъярился, хвать полусотню и айда галопом. Догнали и в клинки. Славно шашками помахали! Вот только их благородие там и ранили. Но свезло, пуля вскользь у виска прошла. Плечо да ногу еще зацепило. Там такая кутерьма была, сам черт не разберет, полтора десятка потеряли, а косоглазых всех в капусту. Как командира ранили, мы думали, что убили его, вот казаки и осатанели. В общем всех посекли, никто живым не ушел. А за то что командира живым привезли, полковник десять рублей на пропой дал, – рассказал Степан.

Лежу и думаю про что они там рассказывают? Какие казаки? Какие боксёры? Кого здесь шашками рубят? Мать моя! Куда я попал? Что со мной? Прикрыв глаза постарался успокоиться и видимо задремал.

Проснулся от шума, кто то что то уронил, наверно железная вещь упала, открыв глаза увидел девушку. Возраст лет двадцать или около того, на ней одет то ли халат, то ли платье белого цвета, длина до середины икр ног. Из под халата видна темная юбка, длиной до щиколотки а поверх одет белый фартук с красным крестом на груди, голова покрыта вроде платка, я такое видел в фильмах о революции. Девушка увидела, что я на неё смотрю и воскликнув «Матушка, Царица небесная», выскочила за дверь и убежала. Через несколько минут она вернулась, с ней была молодая женщина, лет двадцати пяти и одета почти так же как и первая, на ногах у обоих что то вроде ботиночек.

– Добрый день! Меня зовут Ирина Ивановна, я медицинская сестра и помощница хирурга. Как вы себя чувствуете? – обратилась она ко мне.

Понятно, хотя ничего мне не понятно. К казакам добавилась медсестра. И одежда на них какая то древняя.

– Вы меня слышите? – спросила она, я медленно закрыл и открыл глаза, а она продолжила – Настя, позови Романа Иссидоровича. Скажи что поручик пришел в себя.

– Где я? – с трудом прошептал я, но она меня услышала и поднесла к губам маленький чайничек с водой, а я сделал несколько глотков.

– Вы в госпитальном приюте, на окраине Харбина. Вы получили множественные ранения, а оперировал Вас, наш хирург Роман Иссидорович, он хороший доктор, – пояснила она.

Я обратил внимание на её правильную речь, хоть и было много старых для меня не современных слов. Делаю вывод, что я в санчасти, ну или в госпитале. Но кто же меня ранил? Что за ерунда? Кто мог стрелять в конной школе? Я ведь не шпион, а практически пенсионер на отдыхе, ну почти на отдыхе. Тем временем в палату вошел доктор, в белом халате, с завязками на спине и в шапочке, тоже белой.

– Ну здравствуйте, милейший! Вижу, что решили вы пойти на поправку. А ведь Вы, Ваше сиятельство, напугали нас. Крепко напугали, – начал свой диалог доктор, присев рядом с кроватью на табурет, любезно подставленный медсестрой Настей.

– Чем же напугал? – едва слышно выговорил я.

– Ну как же, у Вас была остановка сердца. Пришлось делать массаж и искусственное дыхание. Это знаете ли новые познания в медицине. Но с Божьей помощью все разрешилось, – продолжил доктор.

– Кстати представлюсь Вам, Роман Иссидорович Панков. Заведую местным госпитальным приютом. Практикую терапевтическое лечение и хирургию. Вы представлены полковником Зиминым Сергеем Константиновичем, как Иван Дмитриевич Багратион. И да, я осведомлен, что Вы сын князя Дмитрия Петровича, который в данный момент служит заведующим курсов обучения офицеров в Николаевском кавалерийском училище в звании полковника. Вас интересует характер ранений? Скрывать не буду. В голову пулевое повреждение, пуля прошла по касательной, чуть выше височной части, кость не повреждена. В плечевую область руки тоже пулевое навылет, но кость не задета. И рубленая рана ноги, разрезана мышечная ткань. Вас зашили, раны обработаны, так что выздоровление зависит от Вашего организма, – сообщил мне Роман Иссидорович.

Я лежал и молчал, пораженный такой информацией. Всё это походило на бред сумасшедшего. Доктор поводил пальцем перед моим носом, требуя следить за пальчиком, потом что то промурлыкал себе под нос и простившись вышел. А я лежал и все не мог очухаться от шока. Судя по болевым ощущениям и по запахам приюта, в том числе запахи с улицы, вроде как реальная реальность. Но вот всё остальное ввергало мой мозг в неверие. Мне конечно попадались книжки про попаданцев и почитал я их несколько экземпляров. Но чтобы такое случилось со мной – просто не верилось. После некоторых процедур и кормёжки жиденькой кашей, я уснул.

Проснулся вероятно на следующий день, за окном рассвело, Анастасия принесла «утку» и я кое-как справил нужду. Дни были теплыми и по моей просьбе окно утром открывали. После завтрака пришел доктор, посмотрел пощупал. Мы немного поговорили. На мои ответы «не помню», он сделал вывод, что у меня ретроградная амнезия. Но дескать чтобы я не пугался и память постепенно вернётся. До обеда я слушал разговоры казаков за окном, после обеда вновь уснул. Снился мне странный сон. Будто подхожу я к жеребцу ахалтекинской породы, масть редкая – изобеловая. Такой конь красавец, глаза голубые, шерсть кремовая, грива и хвост ближе к белому цвету. А главное во сне называю коня «Буян», потом достаю яблоко и конь смачно хрупает этим яблоком. Снилась река и мальчишки купающиеся в ней. Перед пробуждением приснилась кавказская шашка. Причем я ясно разглядел серебренную рукоять, оголовье в виде морды волка и сам клинок дамасской стали. Впечатление как будто я вижу это оружие наяву. Проснувшись я долго размышлял над своим сном. Для себя решил, нужно попросить газеты, может они принесут ясность.

Мою просьбу по поводу газет, доктор уважил. Сказал: «Возможно это поможет в лечении амнезии». Буквально на следующий день передали журнал «Вестник Маньчжурии» и пачку

газет хоть и не свежих. Вот тут я окончательно убедился что попал я в прошлое или в параллельную реальность, чёрт её побери. А именно конец весны 1900 года. Было над чем подумать. Самое лучшее изображать амнезию. Не в дурдом же отправляться, со своими мыслями о будущем. Из газет и журналов пришёл к выводу, что все же попал я в параллель, были так сказать различия, например русско-турецкая война здесь длилась почти два года, а у нас её за год закончили. Оказывается здесь не было восстания декабристов, точнее было что то подобное, но без особой крови. Удивило и то, что здесь узаконены дуэли, у нас точно такого не было, меня в этом вопросе племяшка Алена информировала.

Через четыре дня я начал понемногу вставать, сам ходил в туалет. По вечерам беседовал с Панковым, его приятно удивило то, что я неплохо говорю на французском, а также знаю немецкий и английский языки, про остальные я умолчал. В эти дни приезжал полковник Земин, очень обрадовался, что я иду на поправку и немного огорчился из-за моей амнезии.

– Напугал ты всех Иван Дмитриевич своим ранением, видно у тебя протекция сильная в Петербурге. Мне сам Алексеев справлялся о твоем здоровье и велел раз в неделю докладывать, что да как. Привез тебе твоего ординарца, урядника Семена Петровича Акимова. Так что будет при тебе. Остальных казаков я заберу. Семён казак бывалый так, что справится. Зайдет попозже к тебе. Хочу обрадовать тебя Иван Дмитриевич представление на тебя и казаков ушло, тебе орден Святой Анны четвёртой степени, а казакам медали «За храбрость», Алексеев уже подписал, через пару деньков привезут. Если что потребно не стесняйся, поможем по мере сил. На том прощаться буду, выздоравливай Иван Дмитриевич, – поговорили, а полковник раскланялся и уехал.

Немного погодя в палату постучался и зашёл широкоплечий казак. Я разглядывал его, рост средний, волосы русые, хотя кое где пробивается седина, возраст лет сорок, усы по настоящему казачьи, кончики слегка закручены, из под русых бровей смотрят серые внимательные глаза с лёгким прищуром.

– Доброго здоровья Иван Дмитриевич, вот теперь снова рядом буду. Слава Господу всемогущему, что живы вы, а то я совсем места себе не находил. Сегодня поутру в Харбине был забрал Вашу шашку у мастера, на набалдашнике рукояти надпись сделали «За храбрость» осталось только темляк с клюквой закрепить. Казаки гутарють, что наградные листы на всех подписали, вот я и озаботился, – Семен достал шашку и положил передо мной.

Я в удивлении уставился на клинок, это было оружие из моего сна, без сомнения. Решив проверить свои предположения я обратился к Семёну.

– Семён Петрович, а как мой ахелтекинец поживает? – имя казака запомнил со слов полковника

– Не беспокойтесь Ваше благородие, Буяна я обиходил, порез был, дак то зашили и ранка заживает. Он ведь даже меня не всегда верхом пускает к себе, на аркане выгуливаю, чтоб не застоялся.

– А масти он какой?

– Масти? Это… из-за-белловой, вот. А что правда бають, что с памятью у Вас … того… не того? – проговорил Семён, уставившись на меня с неподдельным удивлением.

Я кивком головы подтвердил. А сам задумался: «Значит во сне мне память моего предшественника подсказывает. А что? Вполне возможно». Сомнения гуляли в моей голове, всё казалось каким то театром абсурда.

– Семён, мы с тобой наедине общались без чинов? – спросил я, и казак подтвердил кивая.

– У меня к тебе просьба будет, нужен портной, а то мой мундир наверняка в негодность пришел, привези портного сюда. Деньги есть? – продолжил я.

– Как не быть, Иван Дмитриевич, всё сделаю в лучшем виде. Вот и Буяна приведу с собой через пару деньков, скучает он по Вам, сердешный. Хоть и строптивый жеребчик, но всё же живая душа, – посетовал Семён, а я подумал насколько заботливо относятся казаки к лошадям.

– Скажи, Семён Петрович, откуда у меня шашка эта?

– Да как же? Вы когда кавалерийское Николаевское училище закончили, так в ту годину и подарили вам. Бають от самого Великого князя Михаила Николаевича Романова подарок. Таких клинков на весь Кавказ десятка два, может три не боле. Знатный клинок и древний, хороший мастер ковал. Оголовье волчье говорит о том, что принадлежал это клинок клану которые не покорялись нам. Другой клинок и не выдержит удара этой шашки, а ей хоть бы хны, – пустился в рассказы мой ординарец.

Семён еще что то рассказывал из жизни моего предшественника, и под его спокойный говор я уснул.

Глава 2.

Конец мая начало июня 1900 год. Пригород Харбина. КВЖД южное направление.

Через два дня мой ординарец привел моего коня, сам он был на кабардинском аргамаке, вороной масти. Гордился этим жеребцом благоговейно, так как подарил ему жеребца генерал. Я уже активно передвигался, правда с костыльком, который мне смастерил Семён.

Увидев жеребца, я поразился, он точно был из моего сна. Красавец! Цвет окраса топлёное молоко, ноги от бабок светлее, как кремовые чулки, грива и хвост тоже чуть светлее. Я восхищенно глядя на этого жеребца поковылял к нему. Семён передал мне два яблока. Жеребец всхрапнул и потянулся мордой ко мне, я подал ему яблоко, а конь с удовольствием захрумал угощением.

– Признал хозяина, – улыбаясь проговорил мой ординарец.

А я прижавшись к шее жеребца, гладил и приговаривал «Буян, красавец, скучал по мне». Почему то общение с конём принесло мне душевное удовлетворение. Постояв так несколько минут, я справился у Семёна, когда появится портной для того, чтобы справить мне мундир.

– Ваше Благородие, после обеда будет портной. Все сделает как требуется, Вам нужен только полевой мундир, а парадный я осмотрел, он в полном порядке. Оружием ещё потребно озаботиться, Ваше затерялось в суматохе схватки. Я разузнал, в Харбине есть оружейный магазин, только вот уж Вы сами, Иван Дмитриевич, а то я возьму что не то, – отрапортовал ординарец.

– Так и порешим. Через два дня разыщи мне коляску, а то верхом ехать, я еще не совсем здоров, – распорядился я.

Простившись с Буяном, я пошёл на процедуры, стараясь не напрягать больную ногу.

В процедурной меня осматривала Ирина Ивановна, она была удивлена быстротой процесса заживления моих ран, но и в то же время обрадована что я иду на поправку. Сказать честно я и сам удивлялся как быстро заживали мои ранения. В прошлой жизни бывали случаи с получением ранений, но там я достаточно долго отлёживался в госпиталях. Приглашенный Роман Иссидорович тоже покачал головой.

– Удивительно! Скорость регенерации достаточно высока, я немало повидал ранений различной сложности. У Вас, Иван Дмитриевич, феноменальное здоровье, – констатировал доктор.

На что я только пожимал плечами, сам поражаюсь откуда такие способности организма и в чём причина. А потому на последующие перевязки приглашали еще одного молодого доктора Игоря Свиридова, он был из вольноопределяющихся, после окончания медицинского училища, поехал набираться опыта в врачебной практике.

После обеда приехал портной, пожилой китаец. Он вполне понятно говорил на русском, в течении получаса снял с меня мерки. Пообещав приехать завтра на примерку, заверил меня, что уже послезавтра мой мундир будет готов. Я заплатил ему аванс и китаец довольный уехал. Вечером мы снова устраивали чаепитие в кабинете Романа Иссидоровича, иногда здесь присутствовала Ирина Ивановна. Для меня эти посиделки были полезны в получении информации. Говорили обо всём, о политике, о мироустройстве и так далее. Я правда больше слушал, а моя амнезия играла для меня роль отводящую неудобные вопросы. Еще один момент который первые дни смущал меня, по ночам я видел сны, первое время не понимал откуда и что. Но через несколько дней предположил, что это таким образом я получаю информацию от своего предшественника, как те первые сны с конём и шашкой. Стал осторожно проверять, получалось, что так оно и есть.

Я лежал в госпитальном приюте уже две недели. Приближался конец мая. Повязки с меня сняли, но раны заклеили медицинскими пластырями. Доктор взял с меня слово, что я не буду усердствовать, а даже наоборот стану оберегать себя от лишних движений. Сегодня утром я отправил Семёна, чтобы он нашёл мне коляску, хотелось съездить в Харбин. После отъезда ординарца решил посчитать свои доходы. Итак моё денежное содержание составляло 960 рублей в год, если раскинуть по месяцам, то ежемесячно я получаю 80 рублей, причём ассигнациями. Да уж не густо. Будь я гвардейцем было бы в два раза больше. Но увы. Чего нет, того нет. Есть доплата по 20 рублей за несение службы здесь, как говориться у чёрта на рогах. От родственников ежемесячно поступает 200 рублей, видимо папенька заботиться. И странный момент, который я пока, что не понял, из столицы приходят переводы каждый месяц по 300 рублей. Итого на круг получается по 600 рубликов в ассигнациях. Жить можно, возможно даже хорошо и с шиком. Кассу моей наличности бережёт Семён, говорит что я так велел. И у него скопилось около пяти тысяч. Кстати из разговоров с своим ординарцем я понял, что служит он у меня давно, уже шесть лет как. Бывалый казак, даже повоевал в русско-турецкую. Делаю вывод, с ним надо аккуратней, чтобы не заметил подмену. Я вернулся в размышлениях к своим деньгам. Надо было думать как поднимать свой доход или просто как жить дальше, моя служба в прошлой жизни приучила меня быстро адаптироваться в различных местах Земного шара. У меня как никак знание будущего, чем непременно следует воспользоваться.

Через час после отъезда ординарца у меня появились гости. Казачий офицер в звании хорунжего, его сопровождали десяток казаков. Гость как только спешился бросился ко мне, я в это время сидел на лавочке возле приюта. Хорунжий заключил меня в объятия, потом отстранился и внимательно стал осматривать.

– Иван, как я рад тебя видеть. Гляжу ты выздоравливаешь. Орёл! Задал перца узкоглазым хунхузам. Наслышан уже о твоих подвигах. Я уже и батюшке и матушке отписал, что ты жив и пойдешь на поправку, справлялись они о тебе. Видел я полковника Зимина, он мне и поведал, что ты живой, «клюкву» в награду получишь. Темляк уже заказал? – офицер радостно улыбался.

Надо было как то выходить из этого положения, и тут я припомнил рассказы моего ординарца о моём побратиме Григории Васильевиче Рытикове. С которым мы росли вместе, больше того его мать была моей кормилицей. Я фактически вырос в их семье. Мдаа! Дела.

– Гриша, ты слышал наверно, что у меня частичная амнезия из-за ранения в голову, так что не суди строго, – попытался я смягчить своё непонимание.

Григорий нахмурился, мы присели вместе на лавочку.

– Чудны дела, что то такое говорил Зимин, я правда не поверил ему. А сейчас вижу есть в тебе какое то изменение. Что говорят доктора? – видимо мое сообщение расстроило Григория.

– Говорят, что со временем пройдет, а вот когда никто не знает. Признаюсь, что я понемногу вспоминаю. Вот Буяна своего сразу признал и он меня, – сообщил я.

Тут я внимательно посмотрел на коня Григория. Это была кобыла тоже ахалтекинской породы песочного окраса, на ногах цвет переходил в тёмно-гнедой, хвост и грива тоже были тёмно-гнедого оттенка. Григорий проследил за моим взглядом.

– На Приму смотришь. Это ведь ты имена лошадкам давал. Уговорил меня, чертяка, назвать кобылу Примой. А помнишь как нам этих ахалтекинцев подарили?

– Нет, Гриша не помню, – Григорий после моих слов немного нахмурился.

– Туркмены торговцы приехали, мы с тобой как раз после училища, закончили первый год, отпуск у нас был. Попали на эту ярмарку. Сначала ты Буяна заприметил. Он никого не подпускал, а вот тебя сразу признал. А я вот тогда кобылу эту выбрал, понравилась она мне, с твоей легкой руки назвали Прима. Тогда батюшка и выкупил этих красавцев. Объезжали мы их сами. Мдаа, одно слово генеральские кони, красавцы. Все казаки нам завидуют. А помнишь

как казачий полковник уговаривал тебя продать ему Буяна? Денег золотом предлагал. А ты ему в ответ «Друзей не продают». Аха-ха, – засмеялся Григорий.

Я смотрел на этого жизнерадостного человека и надо сказать он мне нравился.

– Слушай, Гриша, как так получилось, что у тебя казачий чин а у меня офицерский?

– Я же потомственный казак. В училище меня определили в сотню, а ты в юнкера по кавалерии. Это пожелание отца было. А вот почему, убей не знаю. После училища ты написал прошение в войско Донское. А потом мы с тобой сюда попали Я командую полусотней. Ты тоже. Вот в званиях ты меня обогнал. А помнишь как мы с тобой клятву давали стать генералами? – весело вспоминал Григорий.

– Было дело, – решил я наугад поддержать Гришу.

– Помню как тебе подарок сделали, шашку кавказскую. Как я тогда мечтал о такой же. Потом батя подарил мне златоустовскую, – и Григорий подал мне свою шашку.

Я осмотрел клинок. Шашка была хороша. Орнамент по рукояти и даже по лезвию клинка, на клинке я разглядел клеймо мастера.

– Хорош клинок, – похвалил я передавая шашку хозяину.

– А то! Булат, как есть булат! – гордо похвалился Григорий.

Он еще некоторое время рассказывал как мы дрались с пацанами из соседней станицы, как нам двенадцатилетним впервые дали шашки в руки и обучали нас казачьему бою. Учил нас старый казак из пластунов, и что не жалел он наши шкуры на задницах за нерадивость. А пропали мы в обучение к казакам с пяти лет. Рассказал про случай, когда Григория должны были выпороть розгами, а я подошел к лавке приспустил штаны пристроился рядом с Гришей. На вопрос старого казака «Ты чего?», ответил «Я брата в беде не брошу». Казак хмыкнул и пороть никого не стал. Вскоре Григорий засобирался.

– Я ведь к тебе не надолго приехал. Мы сейчас патрулируем возле реки Сунгари, а нас возможно отправят к реке Хунхэ, там реже будем видеться. Хунхузов в страхе держать надо, вот и гоняем их понемногу, – поделился Григорий планами.

Мы с ним обнялись на прощание. Я стоял и смотрел в след казакам, думая, что определенно мне этот человек понравился.

После обеда появился Семён с коляской, он сам управлял, а его аргамак был привязан к коляске.

– На два дня взял. Так что едем Иван Дмитриевич? – сообщил он мне.

– Пожалуй, вот только мундир одену.

В Харбине, первым делом заехали в оружейный магазин. Я не торопясь осматривал оружие выставленное на продажу. Продавец, который был явно китайцем, поклонился, но не мешал мне делать выбор. Я попросил показать револьвер системы «Наган» двойного действия, образца 1895 года. Это оружие уже внедрено в российскую армию. Я осмотрел оружие, производство тульского завода, калибр 7,62 мм, цена вполне приемлемая 28 рублей. Однозначно берем. И патроны к нему, для начала тысячу штук. Надо приводить свою стрелковую подготовку в порядок. На глаза мне попался швейцарский «Парабеллум». Неплохая машинка, но брать сейчас пока не буду, подожду.

В этот момент и пришла мне в голову мысль, а что если мне подтолкнуть прогресс в изготовлении оружия. На глаза мне попался «Маузер К 96», осматривая его, я вспомнил, что в тридцатых годах этот дивайс модернизируют и будет он стрелять как одиночными, так и очередями. Вот вроде только неудобный он в сборке из-за большого количества мелких деталей. Ладно, подумаем над этим. В магазине было полно и старинного оружия. Некоторые напоминали чуть ли не времена Ивана Грозного. Добрался я до холодного оружия, интересовали меня ножи. В прошлой жизни при моей службе, обучен я был метать ножи и делал это очень даже не плохо. Кстати и в ножевом бою разбирался прилично. Наконец я увидел что мне подходит, хорошая балансировка, неплохой хват. Китаец пояснил что у ножей булатная сталь. Спросил

у продавца где можно попробовать метнуть нож. Китаёза не долго думал, сходил и принес широкую доску. Я взял три ножа покрутил их, а потом один за другим вогнал в доску через весь магазин. Китаец восхищенно зацокал языком. А Семён уставился на меня, в глазах его было неподдельное изумление. Когда я оплачивал покупки, Семён обратился ко мне.

– Ваше Благородие, «Наган» то ваш нашли казаки, привезут завтра.

– Да? Хорошо, заберёшь его себе.

– Дык не положено мне, он офицерский. Могут и наказать.

– Всех кто будет задавать вопросы посылай ко мне, скажешь, что это моё указание.

– Благодарствую, Иван Дмитриевич, но у меня есть, – поблагодарил он меня и слегка поклонился.

– Ну нет дак нет, – я решил что пусть будет два.

В магазине мы задержались на два часа. Однако, как время бежит при интересных занятиях. Был ещё один момент. В прошлой жизни даже в своём возрасте я не был ханжой и женщины время от времени появлялись в моей жизни. А тут такое дело, я попал в молодое тело, причем тело так сказать не из последних. Рост 180сантиметров, волосы тёмно-русые, глаза серо-голубые, да и лицом вполне пригож, замечал я как на меня посматривают сестрички милосердия в приюте. Вот и мужская сила во мне билась сейчас фонтаном. По утрам прямо шалаш из одела появлялся. Так что требовалось энергию слегка сбрасывать.

Нужное заведение, кстати не из дешёвых, мы нашли быстро.

– Семён, возьми десять рублей и то же съезди расслабь так сказать себя. За мной заедешь часа через четыре, и по дороге купи мне большой блокнот и карандаши, – велел я ординарцу, на что он только одобрительно крякнул.

Сам я направился в храм порока и разврата. Войдя в здание, я подумал, что обстановка мне кажется знакомой. Видимо и предшественник на роль святого не тянул. Вскоре это подтвердилось. Ко мне вышла хозяйка заведения.

– Рада Вас приветствовать в заведении «Мадам Элизы», господин офицер, – приветствовала она меня, говорила она на русском правда с британским акцентом.

– И вам не хворать мадам эээ.....

– Мадам Элиза к Вашим услугам, князь. Вам как обычно?

Вот вам и пирожки с котятами, по всему видать князюшка завсегдатаем здесь бывал. Что же не посрамим русских офицеров.

– Пожалуй, – ответил я

– Вино, фрукты? Закуски?.Девочек блондинку и брюнетку? – засыпала она вопросами.

– Возражений нет, – только и нашёлся я что сказать.

Меня проводили в достаточно просторную комнату с неплохим интерьером. Здесь стояла кровать на которой смело уместятся пять человек. «Приличный аэродром» подумалось мне. Были здесь удобные кресла и невысокий столик, возле стены стояла ванна и тоже гигантских размеров. Вскоре вошли две девушки, весь их вид и одежда соответствовали антиморальному моменту. Девушки оказались француженками, мое знание языка позволило свободно общаться с ними, что кстати их очень обрадовало. Ранения мне конечно не позволяли особо резвиться, но девочки вполне знали, что существует поза «наездница». Я прекрасно провел время. Уставший и удовлетворенный я лежал на кровати в некоторой эйфории. Дааа, молодое тело это здорово. Еда и закуски на высоте, соответствовали обстоятельствам. Через четыре часа с четвертью я вышел из заведения «Мадам Элиза», Семён уже поджидал меня. По довольной физиономии было видно, что время он потратил не зря. От него веяло аромат каких то духов и его состояние определялось, как слегка выпивший. Он залихватски свистнул и мы покатили в сторону госпитального приюта.

На следующее утро во время обхода доктор улыбаясь сообщил мне.

– Вы, Иван Дмитриевич, заметно идете на поправку. Посещение мадам Элизы благотворно сказалось на Вашем настроении.

– Я вижу Харбин большая деревня, слухи быстро разбегаются, – ответил я.

– Ну что Вы. Просто я вчера случайно вас увидел выходящим из их заведения, – смеясь пояснил доктор.

– Эээ……

– Не смущайтесь так молодой человек. Вы молоды и для Вас жизнь прекрасна. Я вам посоветую. Незачем Вам отлеживаться здесь в приюте. Снимите неподалёку жилье и будете ежедневно приезжать на осмотр и перевязку. Кстати Вам положен отпуск после ранения, а уж воспользуетесь этим или нет, ваше дело.

Сразу с утра приезжал снова Зимин, привёз мой орден «Святой Анны» четвертой степени, а Семёну повесили медаль «За храбрость». После отъезда полковника я озаботил Семёна о подборе жилья, с тем ординарец и укатил. Сам же я взял блокнот и стал записывать пометки, небольшой план моих дальнейших действий в этом мире.

Итак Российская Империя – в ближайшие два десятилетия здесь будут жуткие потрясения, война с японцами, мировая война, две революции и гражданская. Утопят страну в крови. Дальше коммунистическое будущее. Моя социальная ступенька – княжеский удел. А что делали коммунисты с дворянами? Правильно, ставили к стенке. И даже если я приму сторону большевиков, в дальнейшем меня все равно грохнут, как например японского шпиона. Обязательно припомнят княжескую родословную. В НКВД своих то резали не стесняясь, а князь будет просто подарком для рапорта о раскрытии злостного вредителя развития социалистического будущего. Не пойдет! Нам такого кино не надо. Что мы имеем в закромах? А имеем мы знание событий и пусть поверхностное знание технологий. Мдааа. Есть над чем подумать. Можно конечно за границу мотнуть и там вполне успешно становиться богатым человеком. Например в Америку, там еще долго войны не будет. Разве что Великая депрессия, вроде в 29-30 годах. Ну да за это время можно хорошо подготовиться. Вот только в прошлой жизни вся моя служба проходила на противоположной стороне от американцев. Вот такая нетривиальная задачка. Может Империи помочь? Но что я один сделаю? Слушать меня навряд ли станут. Революционеров начать отстреливать? А что это даст? В феврале семнадцатого дворяне и прочие с ними, без коммунистов успешно к революции рвались. Отстреливать казнокрадов? Где же столько патронов набраться? Ну скажем финансы нужны в любом случае и в помощь мне знания будущих технологий. Нужна команда при любых действиях, как не крути. «Кадры решают всё», вроде Сталин сказал, и ведь прав был. Может движение опричников организовать. Как при Иване Грозном? Непросто, я же не царь всея Руси, но не так уж невозможно. Подумаем. Можно что то делать в России, но при этом готовить запасной аэродром в Америке – тоже вариант. Так-с технологии.... Когда там стрептоцид изобрели? Сульфаниламид впервые получили в 1908 году при синтезировании красителя типа анилина. Так так, ведь именно этот препарат и назовут белым стрептоцидом, имеющим активность против стрептококков.

Я отвлекся от своих дум. А откуда я все это знаю? Читал возможно где то что то. А тут шпарю как по написанному. Интересно! Может я еще чего такого знаю или вспомню? Мне явно нужен химик. Отвлёк меня вернувшийся Семён. Он нашел в десятиминутной ходьбе от приюта семью русских, у них есть пристроенный флигель на три комнатки, во дворе присутствуют стойла для лошадей. Хозяйка берет недорого и даже столоваться можно у нее. Я решил сегодня же вечером перебраться туда.

Межгалактический форпост в солнечной системе, рабочее место наблюдателей.

В дежурной комнате наблюдателей у пульта и монитора сидит наблюдатель-8. В помещение входит наблюдатель-4.

– Приветствую соратник! Запись идёт? – спрашивает вошедший.

– Да. Всё в штатном режиме. Адаптация донора и реципиента прошла хорошо. Объект уже пользуется получением знаний из подсознания будущего. Хотя возможно и не понимает как это происходит, – ответил наблюдатель-8

– Прекрасно! Он и не поймет Знания будут приходить как озарение. Объект отнесет это на Божественное влияние. Кстати мы можем добавлять подробности, это не противоречит проведению эксперимента. Для нас не будет играть большой роли. Все эти технологии такая древность и нами уже несколько столетий не применяются. Сделай пометку в программе, если Объект настойчиво рассматривает тему, то знания добавляются, – распорядился наблюдатель-4.

– Принято к исполнению. Сейчас же внесу в программу. Скажи соратник, нам важно как будет развиваться эксперимент? – спросил дежурный.

– В принципе нет. Не важно в какой стране Объект будет развиваться. Лишних знаний мы не дадим. Да и вмешиваться не будем. Наша задача наблюдать, писать в отчетах как протекает развитие исторических событий. А какой там будет строй, какая власть нам не важно. Наоборот, добавочная информация сделает эксперимент более интересным, – пояснил наблюдатель-4.

– Надо подробней изучить инструкции.

– Это верно. Просмотри, чтобы у тебя не возникало ненужных вопросов.

Наблюдатель-4 взял папку с файлами и пошел готовить отчет старшему соратнику.

Июнь 1900 год. Мариинский дворец, Исаакиевская площадь, Санкт-Петербург.

В кабинете председателя Государственного совета, за своим столом сидел Великий князь Михаил Николаевич Романов, он заполнял документы. Остановившись Михаил Николаевич позвонил в колокольчик, незамедлительно в кабинет вошел адъютант.

– Как там обстановка по интересующему меня лицу? Я давал распоряжение предоставлять сведения каждую неделю, – спросил Великий князь, подняв взгляд на адъютанта.

– Все готово, Ваше Императорское Высочество, – адъютант достал из папки несколько листов и положил их на стол.

– Прочитаю потом, сейчас коротко на словах.

– Лицо интересующее нас находится по прежнему в составе казачьих формирований на строительстве КВЖД, формирования участвуют в подавлении хунхузских волнений, тот кто нас интересует после ранения идет на поправку. Представлен к награде ордена «Святой Анны» четвертой степени. Поданы документы на очередное звание. Финансовая часть – на личном счете в «Deutsche Bank” на сегодняшний день почти десять миллионов рублей. С процентов небольшая сумма перечисляется вашему подопечному. Прикажете увеличить выплаты?

– Хм, пожалуй. Пусть увеличат, но без фанатизма. Остаток пусть поступает по прежнему на накопительный счет. Значит очередное звание?....

– Так точно Ваше Императорское Высочество!

– Не рановато ли?

– Есть причина разгром банды хунхузов. Вполне допустимо.

– Могут пойти ненужные разговоры. Ну да ладно, позаботишься чтобы все прошло гладко.

– Будет исполнено!

Адъютант, щелкнув каблуками и кивнув головой вышел из кабинета. Великий князь задумался: «Пока это все, что я могу сделать для своего внука». Были у Великого князя и другие внуки, но перед этим он почему-то чувствовал себя виноватым. Понимал Михаил Николаевич, что мальчика лишили царской семьи. Его мысли вернулись к князю Багратион. «Князь молодец смело признал сына и дал ему свою фамилию. Хотя сейчас у князя другая семья. Пусть пока так и будет. В дальнейшем я позабочусь о наследстве». Великий князь снова вернулся к рабочим документам.

Глава 3.

Июнь 1900 год. Харбин. КВЖД южное направление.

Вот и началось лето. Проживаем мы во флигеле, вполне приемлемо. У меня спальня и большая комната, ординарец живет в маленькой комнате. Хозяйка русского происхождения, вышла замуж по молодости за китайца, он торговлей промышляет, живут не бедно, но и не богато. Вот Антонина Петровна и сдаёт флигелёк. Из банка пришло уведомление, в котором говорится, что на мой счет увеличена сумма ежемесячных поступлений до тысячи рублей в ассигнациях. Приятно чёрт возьми. Хоть я пока не понимаю кто проявляет такую заботу. Очередная загадка. Ничего со временем выясним. Еще интересный момент, во время сна я вижу сны где выдаётся подробная информация чего-либо. Вот начал я думать о стрептоциде и пенициллине, а ночью мне приснились формулы описание и главное утром не забывается. Я отнес это дело на интуицию. Читал я в прошлой жизни об интуиции, там доказательства не нужны. Просто знаешь, и никаких гвоздей. Я поутру конечно все записал в блокнот. Дело за малым – финансирование и кадры. Дааа, в кадры здесь многое упирается. Возобновил тренировки, спарринг партнер Семен, сначала он упирался, а потом когда я показал пару фишек из рукопашки, в охотку пошёл. Ножи кидаем каждый день. С шашкой поработать, тут уж Семён за учителя. Он ведь потомственный казак, ему на роду написано мастером быть в этом деле. Из «нагана» стрельба обязательное упражнение, Семён тоже любитель пострелять. Здесь ещё один момент, у меня увеличилась скорость реакции в движениях, а может так и должно быть. В госпитальный приют езжу на перевязки, да иногда с Романом Иссидоровичем чайком побаловаться. А основное время трачу рисуя эскизы и записывая, описание технологий, что на ум приходят.

Скоро на выписку, пожалуй стоит взять отпуск, да съездить в столицу. Кадры, вот что меня беспокоит, а здесь их взять негде. В Петербурге попробую сойтись с Менделеевым, а то жить ему осталось не так и много, если не сам, то может сведет меня с кем то. На технологии нужен будет патент, а значит серьезный поверенный. В общем планы накручиваются как снежный ком. Только я утром вернулся из госпитального приюта, после перевязки и осмотра, приехал подъесаул Валов Тихон Семёнович, мой непосредственный командир.

– Добрый день, Иван Дмитриевич! Как проходит ваше выздоровление? – сразу начал разговор Валов.

– Здравия желаю, Тихон Семёнович! Да выздоравливаем с Божьей помощью, – ответил я на приветствие.

– Заехал узнать Ваши планы, Иван Дмитриевич, ну и дела сотни порешать. Казаков вот надо после выписки забрать, те что с лёгкими ранениями.

– Ну а что планы? Дождусь выписки, вернусь в расположение сотни. Нас ведь заменить должны через месяц? После замены и подумаю над отпуском.

– Дельно. Но надеюсь это не во вред Вашему здоровью, послужить до срока замены. Взводный урядник справляется конечно без Вас. Но все же, все же.

– Может пройдёте Тихон Семёнович, позавтракаете?

– Пожалуй нет, Иван Дмитриевич, дела не терпят отлагательств. Кстати Вы в курсе, со следующего месяца кавалерийские части будут задействованы в подавлении этого восстания. Черт бы побрал этих узкоглазых, не живётся им спокойно.

– Нет не знал. Я думаю неплохо, а то от простого патрулирования большого толка нет.

– Так и есть. Ну да ладно, на этом попрощаюсь. Выздоравливайте, – подъесаул простился и уехал.

Я посмотрел в след уехавшему сотнику, подошло время утренней тренировки, пойдём разомнемся, а то Семён стоит мнется, ждёт меня. Сразу после тренировки я завел осторожный разговор с Семёном.

– Семён, скажи мне, как ко мне относятся казаки в нашей сотне, есть хоть малый авторитет?

Семён крякнул, подкрутил усы, с минуту подумал и ответил.

– Есть у казаков, Иван Дмитриевич, доверие тут не сумлевайтесь. В полусотне Вашей любой казак за Вас смерть примет, это так же точно как солнце встаёт. За зря кулаком в морду не тычите и за спины в бою не прячьтесь. А это ой как любо казакам. Опять же трофеи с каждой вылазки казаки имеют. Не гнушаетесь у костра из одного котла есть, да почивать подложив седло под голову, хоть и князь. Гутарють дескать «наш князь хоть и не казачьего роду, да только кровь в нём явно казачья». Вот такие дела, – закончил ординарец.

– Благодарю за честность, – нашёлся я что сказать.

Семён вышел, а я остался раздумывая, с чего же начать действовать. Одному справиться не под силу, здесь никаких сомнений. Страну ожидают потрясения и это факт ближайшего будущего. Народ гнобят, дворянство за воровалось, царские родственники это вообще змеиный клубок. Англия ведет политику развала Царской Империи, революционеры тоже свою цель имеют, причем не думая о целостности страны. Император...., а что Император? Он семьёй занят, набожен, еще и в мистику не просто верит, а склонен к ней. Ко всему прочему ещё и упрям до уровня осла. Хотя возможно на этом с играть. Нужны сподвижники, агентурная сеть просто необходима. А вот сподвижники нужны из правящего класса. Вот только поручика кто будет слушать, хоть и княжеского роду? Пожалуй количество таких людей стремится к нулю. Варианты у меня какие? Опричнина? Вполне возможно. Что Иван Грозный, что Сталин не просто так резали и убирали тех, кто мог раскачать лодку, под названием государство. Значит нужна идеологическая подоплека и цель, которую мне нужно придумать и обосновать. Если начну открыто действовать, меня быстро на каторгу отправят или пулю в голову. Над этим подумаю. Дальше, революционеры. Им нужен лидер которого я укажу, а всех несогласных можно и на два метра под землю. Задачка не тривиальная. Теперь по событиям. От японской войны не отмазаться, будет она однозначно, а вот восстание под лозунгом «кровавое воскресенье» можно попробовать предотвратить. До первой мировой будет десять лет там можно что-то еще придумать и осуществить. Не тянуть с внедрением технологий, подумать что с крестьянами, они как никак самый многочисленный класс. А возможно это просто мои иллюзии. Что один человек сделает? Ничего! Э-э-х. Думы мои тяжкие.

После обеда, я сидел в своей комнате и делал пометки какие технологии можно претворить в жизнь, мой ординарец уехал выгуливать лошадей, чтобы Буян мой не застаивался. Через открытое окно услышал ржание лошадей, я выглянул и увидел перед воротами десяток казаков и Григория, который шёл к флигелю. Я убрал записи и пошёл встречать побратима. Мы поздоровались и обнялись. Я достал бутылку конька, а хозяйка Антонина Петровна собрала нам на стол закуски. Выпили за встречу, потом за мое выздоровление, потом за тех кто в поле и за тех кто не вернулся. Я решил прощупать настроение Гриши.

– Вот скажи мне, друг родной, что ты думаешь о том, кому на Руси жить хорошо, – начал я.

– Хм. Ну и вопросики у тебя. Уж не записался ли ты, Ваня, в народовольцы? – спросил он прищурив глаза.

– Не говори ерунды. Мне с ними не по пути, ты же меня знаешь не первый год. Я о другом. Вот как сделать такое, чтобы наше отечество сильнее и богаче стало?

– Хм, подаёшь ты задачки братка, уж больно мудрёные. Не для моей головы такие задачи решать. Из нас двоих ты больше образованный и всегда соображал лучше.

– Хорошо. Вот чтобы ты Гриша сказал, если бы узнал, что ждут наше отечество великие испытания и что прольются реки крови, и людей погубят не тысячи, а миллионы, десятки миллионов? – выдал я так сказать пробный шар, от чего Григорий уставился удивленно на меня.

– Ох мать, ты где такие страсти набираешься? Сны плохие видишь никак?

Если бы сны Гриша..... мучает меня такой вопрос. Ты ведь знаешь, что была остановка сердца у меня, за чертой я побывал Гриша, за чертой.....

– Дааааа..... Я и думаю душой вроде ты изменился, а тут вон какое дело, – по лицу Григория было видно, что он задумался, потом налил нам ещё и мы выпили.

– Вот там мне показали эти знания, как страшную сказку. А теперь это гложет меня Гриша и поделиться не с кем. Вот только ты у меня.

Григорий закурил и так мы сидели молча раздумывая. Он над тем, что я сказал, а я над тем не поторопился ли я. Докурив папиросу Григорий снова разлил коньяк и не дожидаясь меня выпил. Я достал еще бутылку. Григорий снова налил и выпил, закурив очередную папиросу он внимательно посмотрел на меня и продолжил разговор.

– Помнишь Ваня, как меня за проказы наказывали, а ты разделял наказания со мной, а потом я спрашивал тебя «Что же ты дурья башка подставляешься, ведь нет твоей вины?» и ответил ты мне тогда «Я Гриша всегда на твоей стороне буду, даже если ты виноват». И стал ты мне в тот миг роднее родного. А как мы с тобой вдвоём противу десятка стояли, спина к спине, в соседней станице из-за казачки за которой я ухлёстывал. Я, Ваня, твои слова на всю жизнь запомнил «Прикроем брат спины друг другу, не посрамим чести казачьей». Много примеров могу привести, но не разу ты не дрогнул и меня не продал, – Григорий снова закурил.

Мы снова помолчали, выпили ещё по одной. Потом Григорий поднял на меня почти трезвые глаза и заговорил.

– Вспомнил я, как ногу подвернул, тогда нам лет по двенадцать было, а ты меня на закорках тащил, без малого десять вёрст. Дааа. Вот что я скажу, Ваня, я также как и ты на твоей стороне, за тебя хоть на каторгу хоть в бой, скажешь резать кого, будем резать. Вот такое моё тебе слово, – опустил голову и вновь задумался.

– Спасибо Гриша. Другого я от тебя и не ожидал. Одно скажу на подлые дела не позову тебя, а коль кому кровь пустить придется, честно скажу для чего и почему. В том слово тебе даю, – закончил я такой непростой разговор.

Вскоре мы простились с Григорием и он ухал. А через два дня Гришу привезли с ранением в грудь. Получил он пулю на вылет, когда банду хунхузов в сотню сабель преследовал, не дал разорить русское поселение. В сознание Григорий пришел только на третьи сутки. Мне доктор выписку не давал, потому я чаще стал появляться в госпитальном приюте. Роман Иссидорович, оказался действительно хорошим хирургом. Вечерами я проведывал Григория и оставался побеседовать с Панковым.

В одной из бесед с доктором я намекнул, что хочу повстречаться с Менделеевым, на что Панков заметил, что он лично знает Дмитрия Ивановича и напишет мне рекомендательное письмо.

– Если не секрет, Иван Дмитриевич, по какому вопросу вы хотите встретиться с Менделеевым?

– Понимаете, Роман Иссидорович, верные мне люди достали интересные записи. Замечу не украли, так как хозяин заметок умер. Связаны эти заметки с учение Авиценны.

– Авиценны? – доктор в удивлении округлил глаза.

– Да, именно Авиценны, уважаемый доктор.

– И о чём эти заметки?

– Упоминается в них что есть возможность борьбы с стрептококками и стафилококками. А проводимые ранее опыты показали, что можно готовить лекарства под названием пеницил-

лин и сульфаниламид. Записи эти я выкупил за приличные деньги у родственников умершего. Как они попали к нему родня не знает. Да и не понимали они, что это и для чего.

– Не может этого быть! Вы разыгрываете меня? – удивлению доктора не было предела.

– Отнюдь, зачем мне шутить такими вещами.

– Но это же… это же… прорыв в медицине. Да таким записям цены нет! – воскликнул Роман Иссидорович

– Ну записям как раз цена нашлась.

– Иван Дмитриевич, вы позволите хоть одним глазком взглянуть?

– Увы, эти бумаги в Петербурге. Для начала я решил запатентовать такое изобретение. Сами понимаете у нас такие чинуши, быстро продадут англичанам или ещё кому. А мне хотелось бы, чтобы такие изобретения оставались в нашем отечестве.

– Ну да, ну да. Вы правы совершенно, наших чиновников не вот то раскачаешь. Иван Дмитриевич, вы наверняка доведёте до изготовления препаратов. Пообещайте мне, что в медицинских исследованиях я приму участие.

– Хорошо Роман Иссидорович, как только все утрясётся, сразу сообщу вам, – ответил я, подумав: «Заодно и рукописи Авиценны надо сочинить».

– А я немедленно напишу рекомендацию Менделееву. Когда вы планируете попасть в Петербург?

– Думаю не раньше чем через месяц.

Я оставил доктора в возбужденном состоянии. В последующие дни он снова и снова заводил об этом разговор. Через неделю я получил выписку. Зашёл простился с Гришей. На прощание он сказал, что помнит наш разговор, для него ничего не поменялось, и что он всегда на моей стороне. Собрав свои невеликие пожитки, я в сопровождении ординарца отбыл в расположение сотни.

В процессе строительства КВЖД, велось строительство и станций, на одной из таких будущей станции Чанчунь и находилась дислокация нашей сотни. Вот туда мы с Семёном и отправились. Дорога была не близкой примерно двести семьдесят километров. Пришлось заночевать в дороге. Людские поселения были, так что не пришлось ночевать в степи. Мой ординарец ворчал всю дорогу, что не надо ездить в одиночку и все в таком духе. Однако без приключений к вечеру следующего дня мы добрались. Я доложился сотнику Валову Тихону Семёновичу, что прибыл для прохождения дальнейшей службы.

– Очень рад, Иван Дмитриевич, у нас тут дел хватает. Ранение хорунжего Рытикова совсем из колеи выбило. Урядников на командование поставил. Так что прибыли Вы очень даже кстати. Просветите как дела у Григория Васильевича?

– Идет на поправку, вовремя довезли.

– Это да. Они недалеко от Харбина были, не дальше ста километров. В следующем месяце на этой станции организуют пункт госпиталя. Вот и телеграф уже подключили. Давайте устраивайтесь, а завтра возьмете полусотню и в патрулирование.

Всё меняется, вот и здесь жизнь идет, народу прибавляется. Всё смешано русские, китайцы, разные ветви монгольских племён. Мне показали домик, оказывается на постое мы были с Григорием и Валовым, у каждого своя комната. Семён ушел в барак где располагались казаки. По лицам служивых было видно, что они рады моему возвращению. Вечером за ужином Валов пожаловался.

– Не хватает личного состава, казаков сто человек не наберётся. Потери, мать их. На четыре взвода всего два офицера, где такое видано. Так что Вы, Иван Дмитриевич, мне как воздух. Замена в начале июля появится. По мимо казаков должны кавалерийский полк прислать. По телеграфу передали, может пехоты добавят. Дорогу в сторону Дальнего двигаем. В секреты меньше десятка не ставим, а то перебьют казачков.

Вечером я вызвал взводных урядников и велел им провести проверку оружия, пообещав, что нерадивых накажу. Меня поразило, что с пулемётами была в некотором виде проблема. Явно не хватает автоматического оружия.

Утром перед строем объявил, что на дальнее патрулирование со мной поедут два взвода, остальные получат распоряжения от подъесаула. Зашёл к Валову доложился и забрав полусотню выдвинулся на юг от станции Чанчунь. Ехали по обеим сторонам насыпи, вперед я выслал разведку, десяток казаков во главе с урядником Степаном Мелеховым. Двигались примерно в течении двух часов. Я с собой взял оба «Нагана» один в кобуре второй сунул за ремень, пришла мысль что надо поручить казакам сшить мне тактическую кобуру для второго револьвера. Вскоре я увидел как пара казаков галопом возвращаются назад.

– Ваше Благородие, разрешите доложить.

– Докладывай, – скомандовал я.

– Дозором замечена группа всадников, примерно до сотни, сопровождают телеги с грузом. Мелехов за ними присматривает, должен уточнить.

– Возвращайтесь к уряднику, я с вами. Взводный урядник, ко мне! Двигаешься медленно, не высовываясь, ждешь моих распоряжений.

Взводный урядник отрапортовал «Есть», а я прихватив троих казаков поскакал к передовому отряду. Через двадцать минут, стоим наблюдаем за неизвестным отрядом.

– Что скажешь, Мелехов?

– Атаковать Ваш Благородие с наскоку – побьют казачков. Они телеги в заслон поставят и постреляют нас как кур.

– А ведь явно хунхузы, так давайте сюда взводных урядников.

Отойдя вглубь перелеска, провел короткое совещание.

– Взводные, мне оставите два с половиной десятка, остальных берёте и обходите севернее, на все вам полчаса. Спешитесь и закрепитесь, разделитесь на два отряда, чтобы вести огонь с дух сторон. Никакой залповой стрельбы, стрелять по готовности, прицельно. Ну а я ударю им в тыл. Исполнять! – отдал я приказ, а сам продолжил наблюдать.

Отряд двигался почти параллельно нашего расположения. Хунхузы были на десяти телегах, остальные верхом. Я насчитал шестьдесят верховых и два десятка расположились на телегах. Везли какие то ящики. Наступил момент ожидания. Через полчаса я велел казакам скрытно заходить в тыл банде. Еще минут через пятнадцать началась стрельба. Как я и рассчитывал хунхузы начали ставить телеги в полукруг. Внезапность с играла свою роль, через пару минут около двух десятков были сбиты с лошадей.

– Подбираемся скрытно, максимально ближе. Всем соблюдать молчание, никакого свиста и гиканья, тот кто ослушается отрежу язык, атаковать за мной как только я рвану на хунхузов. Всем ясно! – отдал я приказ, казачка закивали головами.

Дав время банде втянуться в перестрелку, мы в полном молчании рысью двинулись к банде с тылу, постепенно набирая темп. Хунхузы увидели нас когда до них оставалось метров сто. Казачья рубка это что-то. Все кто оказал сопротивление были убиты за несколько минут. Небольшая горстка бросив оружие задрали руки вверх. Бой был окончен. На команду «Посчитать потери» урядники доложили, что легко раненых шесть казаков, убитых нет. Вот и ладненько. Я приказал открыть ящики. В нескольких ящиках лежали новенькие винтовки «Арисака тип 30», присвистнув, я пошёл осматривать следующие ящики. И опять сюрприз карабины «Манлихер» для кирасиров образца 1890, ещё в двух ящиках были «Маузер К 96», в остальных были патроны. Кто то из казаков присвистнул со словами «Вот сучьи дети». Да уж, вот вам не хрена себе. Это кто же такой добренький, что поставляет оружие хунхузам. Один из младших урядников предположил «Может контрабанда?». Оружие было новым, в оружейном сале. Возможно и так. Я захлопнул ящики с маузерами. Какая удача и покупать не надо. Была у меня мысль, найти нужного мастера и слегка модернизировать «маузеры», по возможность

стрелять очередями. Тем более в моей истории была такая практика. Подозвав взводных урядников я поговорил с ними.

– Здесь пятьдесят винтовок Арисака, пятьдесят карабинов Манлихер и Маузеры. Значит так. Мнлихеры и Маузеры спрятать, спихнем их купцам, Арисака сдаём в расположении. Все понятно! И языки привяжите кому следует. – распорядился я, урядники понимающе заулыбались.

– Будет сделано, Ваш Благородь! А трофеи?

– Что с бою взято – то свято. Исполнять! – и казаки побежали выполнять моё распоряжение.

– Что с узкоглазыми, Ваше Благородие? – это уже Мелехов спрашивает.

– В расход, а то лови их потом по полям да по лесам.

Казаки добили пленных, я думал они будут релаксировать, ничего подобного, словно кроликов зарезали и занялись сбором трофеев. Часть казаков кинулись собирать лошадей. Когда сборы закончились отрядил один взвод и трёх унтеров, с ними же раненые и груз, велел им двигаться обратно в Чанчунь, а сам с неполным взводом решил ещё проехать по маршруту патрулирования.

По дороге я размышлял, как легко с казаками, приказал командир пленных в расход – значит так надо. По принципу у начальства голова больше, вот пусть у начальства эта самая голова и болит. В трофеях насобирали почти килограмм золотых украшений и немного денег в ассигнациях. Сколько взяли холодного и огнестрельного оружия я не считал, потом казаки сами скажут.

Проехав ещё два десятка вёрст, я повернул отряд обратно. К вечеру без приключений вернулись в расположение сотни. Я пошёл на доклад к сотнику. Не успел я переступить порог и поприветствовать начальство, подъесаул, находясь в хорошем настроении, выдал мне, что к нам прибыло пополнение, в связи с потерями от столкновений с бандами хунхузов. Прибыла пехотная рота для организации гарнизонной службы на станции. Что особо приятно с ними привезли аж две пушки с расчетами.

– Так что, Иван Дмитриевич, станция усилена, и наша обязанность только в патрулировании. Сейчас у нас сто двадцать пять казаков, да ещё десяток в госпитале в Харбине, – улыбка прямо не сходила с его лица.

– Прекрасно, Тихон Семёнович. Вам доложили о нашем столкновении с бандой?

– Да-да. Урядник доложил. Кстати я тут пока Вас князь, не было накидал рапорт, посмотрите и подпишите, а свой напишите в соответствии с моим.

Я бегло прочитал доклад вышестоящему начальству написанный Валовым. Дааа. Слышал я в прошлой жизни, что приписки были распространены в царской армии, но настолько? В рапорте было указано, что силами полусотни по разработанному плану подъесаула Валова была ликвидирована банда количеством двести пятьдесят сабель. И так далее, что я там молодец и герой, казаки сплошь герои, а подъесаул грамотный тактик. А вот про захваченный груз ни слова. К чему бы это?

– Я понял, Тихон Семенович, только не шибко ли двести пятьдесят? – спросил я подписывая документ.

– Да кто их там считает узкоглазых обезьян, сотней больше сотней меньше, – засмеялся подъесаул.

– Хорошо. Сейчас приведу в соответствие свой рапорт, – и я уселся писать.

– Хотел с вам, князь, переговорить насчет трофеев. Вы же знаете, что трофеи делятся половина идет офицерам, треть казакам, а остальное в общую кассу. Мало ли, вот побили казачков, мы их семьям денег послали, государство конечно тоже выплаты сделает. Но все же, здесь свой брат казак помогает. Вот я и предлагаю, считать тот груз тоже трофеем. Как Вы на это смотрите? – и Валов уставился на меня в ожидании.

– Да так и смотрю. Что с боя взято – то свято, – ответил я.

– Вот и ладно. Какое у Вас князь, выражение интересное. Хм, что с боя взято – то свято, заулыбался сотник и продолжил, – Иван Дмитриевич, завтра вагоны в Харбин пойдут, вот Вы и организуйте, Мелехов с Вами, он знает купца которому мы товар свозим. Заодно и Григория Васильевича повидаете. И вот еще что, лошадей тех что получше оставить себе , но не больше полутора десятка, остальных тоже пристроить надо. Кстати поезд каждый день ходить будет, материалы завозят.

– Всё сделаю в лучшем виде. Вы смотрели оружие?

– Нет, думаю Вы там сами разберётесь, – отмахнулся сотник.

Вот так! Ладно нам не в тягость. А ведь осторожничает подъесаул. Ну да ладно. В мутной воде рыбы больше. Маузеры я точно замылю. И Манлихер себе и Грише оставлю, про боезапас не забуду. Подписав рапорт отдал его Валову. Выйдя из канцелярии велел вестовому найти моего ординарца и Мелехова, да чтобы шли ко мне на квартиру, я там буду. У дома снял седло с Буяна, да почистил его от пота и пыли. Конь фыркал от удовольствия. Пока чистил коня и умывался сам подошли Семён и Степан.

– Так братцы, где Манлихеры и Маузеры? – спросил я.

– Маузеры, Ваше Благородие, к Вам в комнату занесли и патроны, а остальное возле нашего барака на телегах. Не нашлось места где прятать, вот мы и привезли сюда. Там от хунхузов разное оружие, есть кремневые совсем старьё, есть наши берданки. Сабель много. Лошадей в открытом загоне оставили, – отчитался Мелехов.

– Хорошо. Семён два Манлихера прибери и патронов тысяч пять. А ты Степан из своего взвода завтра десяток казачков возьмешь, утром грузимся в поезд и в Харбин. Лошадей не берём, сначала договоримся.

– Ваше Благородие, а лошадей и незачем. Местному купчине прямо здесь и сговоримся, он хорошую цену даст, – предложил Степан.

– Пойдет. Только сотник велел полтора десятка отобрать для своих нужд.

Казаки козырнули и потопали заниматься делами. Вечером я сидел на веранде и пил чай. Подъесаул ушел в местный кабак. Быстро же здесь купцы разворачиваются. Вернулся Семён, я объяснил какая кобура мне нужна и даже эскиз нарисовал, он пошёл разжиться кожей. Я бы честно сказать и уставную переделал, да боюсь не поймёт начальство. Только ушел Семён, как к дому подошли Степан и пожилой китаец. Торговались почти час, точнее больше торговался Степан с китайцем, я скорее наблюдал. Наконец сговорились по девяносто рублей за голову, оптом пятьдесят голов. Китаец тут же предложил купить у нас все колющие и режущие предметы из трофеев.

– Степан, давай своди его ну и сговорись с ним деньги принесёшь. И ещё, если казакам там какие кинжалы понравятся пусть возьмут, я разрешаю.

Степан подгоняя китайца ушёл. А я решил подумать над своими делами тяжкими. Итак автоматическое оружие в виде пулемёта Хайрама Максима, Тульский завод начнет делать по лицензии в 1905 году. А сейчас его днем с огнем не найдешь. А что если пистолет-пулемёт? На «калашников» замахиваться не будем, что то попроще.....Например ППШ или ППС. Да не, ну его этого Шпагина вместе с его автоматом. А вот пистолет-пулемёт Судаева (ППС) это вещь, крепко его в отечественную хвалили. У этого автомата простота конструкции, в производстве несложный, ремонтопригодность хорошая, то что надо на сегодняшний день. Ну патрон подвести маузеровский. Я начал рисовать эскиз. Для ближнего боя вполне хорош. На триста метров правда разброс до полуметра, ну да если в толпу бегущую и орущую, тоже ничего так. Калибр в Империи распространенный. Помнится в прошлой жизни поставляли мы такие в страны третьего мира, я тогда лейтенантом был и ездил в такую командировку, учил местных аборигенов способам уничтожения друг друга, как раз из такого дивайса. Я дорисовал общие эскизы. Так деталировкой позже займемся. Теперь подумаем над Маузером. Был такой в моём

прошлом Маузер М712 , причем автоматический, магазины на двадцать патронов. Я начал рисовать эскизы и интуиция, я так называю свои странные сны, меня не подвела, нарисовал отличия от К96. Вот завтра я и озабочусь в Харбине. Еще один факт о котором меня просветил подъесаул Валов, офицерам разрешается для ношения Маузер. Если все получится, то буду носить постоянно, а Наганы переделаю под глушитель. Запас карман не трёт, монах монашку не… ну вы сами знаете, а может и пригодиться.

Глава 4.

Июнь 1900 год. Харбин. Чанчунь. КВЖД южное направление.

Утром погрузились в поезд. Есть вагон и для лошадей, удобно. Не зря на меня ворчал Семён в прошлый раз, можно и нужно было воспользоваться железной дорогой. К обеду были на станции Харбин. Казаки разгрузили наш груз. Я имел возможность убедиться что Степан Мелехов и без меня справится, потому оставил ему распоряжения, а сам отправился искать железнодорожные мастерские. Язык говорят до Киева доведет, так что через полчаса я толкался на территории мастерских. Ещё немного расспросов и вот стою перед мужиком в комбинезоне-спецовке, на вид лет пятидесяти, пышные усы с проседью, на голове железнодорожная фуражка.

– Имею честь представиться, князь Иван Дмитриевич Багратион, – начал я разговор.

– Фёдор Лукич Рыков, мастер в ремонтных мастерских, – ответил он более доброжелательно чем мне показалось вначале.

– Фёдор Лукич, мне рекомендовали вас как хорошего мастера и у меня к вам просьба, ну или предложение, требуется сделать кое какие детали. Сможете? И у меня просьба, обращаться по имени отчеству, – и я достал эскизы и показал ему.

– Интересно, интересно. Пройдёмте ко мне в каморку, – мастер явно заинтересовался, в каморке разложил эскизы на столе с минуту рассматривал их и вновь обратился ко мне.

– Иван Дмитриевич, а куда эти детальки пойдут?

– Нужно модернизировать это оружие, – достав Маузер, я разобрал его и показал какие детали под замену, а что просто подделать, в том числе сделать магазин под патроны съёмным и магазины должны быть на двадцать пять или тридцать патронов, расположение патронов в магазине двухрядное.

– Вы имеете инженерное образование? – поинтересовался он.

– Нет, но интерес проявляю. Что скажете?

– Интересно. Потребуется сортовая сталь, оружие как никак. У меня есть кое что, – мастер продолжал в раздумье смотреть, то на эскизы, то на детали пистолета.

Сделаю, Иван Дмитриевич. Стоить это Вам будет пятьдесят рублей. Через три дня можете забрать, – и он посмотрел на меня вопросительно.

– Мне нужно сейчас два комплекта. И вот еще такую деталь на револьвер, – достав эскизы прибора бесшумной стрельбы, а именно ПБС, я подробно рассказал что мне требуется, не забыв упомянуть что прибор не должен быть тяжёлым.

Мастер несколько минут раздумывал, смотрел на эскизы, вертел револьвер, снова смотрел на эскизы.

– Такая работа будет стоить тридцать рублей, – выдал он свой вердикт.

– Хорошо, меня устраивает. Этих приборов потребуется тоже два комплекта, – согласился я , и отсчитал мастеру сто шестьдесят рублей.

– Через десять дней сможете забрать.

Мы попрощались довольные друг другом. Я оставил два Маузера и оба револьвера, поэтому закрыв клапан пустой кобуры отправился на выход из мастерских. Время у меня было и я решил проведать Григория, сев в седло Буяна направился к госпитальному приюту. По дороге мне попалась булочная и я прикупил пирожных и конфет для медсестер и доктора, для Григория взял пирог с мясом.

Через полчаса подъехал к приюту. Григорий не спал, заметно мне обрадовался.

– Как там? Вы наверно всех хунхузов распугали? – засмеялся он.

– Гоняем понемногу. Гриша, может тебе чего надо, из еды например? – участливо спросил я.

– Да , нет. Всё есть. Если что закажу завхозу привезёт. Не беспокойся.

– Персонал говорит, что ты уверенно поправляешься, – упс, подумал я, словечки осторожно надо применять, так как Григорий удивленно приподнял бровь

– Ты сюда по службе или …, – видимо он решил не заострять внимание на незнакомом слове.

– Мы банду хунхузов уничтожили, вот трофеи привезли. Степан с купцами сговаривается. Я кстати две новенькие Манлихер прибрал для тебя и себе, патронов хороший запас. А то с револьвера только мух пугать на большом расстоянии, сегодня пристреляю обе.

– Неплохо. Слушай, Ваня, я тут всё думал над твоими словами. Нет, ты не подумай. Как скажешь так и сделаем. Но как мистикой попахивает, – задумчиво произнес он.

– Ты, Гриша, сейчас об этом не думай, поправишься, вот там мы с тобой все и обсудим. Нам ведь обоим отпуск положен после ранения. Так что время будет.

Мне вдруг захотелось сделать что то приятное этому потомственному казаку, который готов за меня хоть в огонь и в воду. Сказав, что сейчас вернусь, я отнес Ирине Ивановне конфеты и пирожное, спросив нельзя ли найти гитару.

– У Романа Иссидоровича есть, он иногда поигрывает, вот только разрешит ли, – она ненадолго задумалась, а потом махнув рукой решительно вышла.

Вернулась Ирина через минуту неся в руках совсем недурственную гитару, правда семиструнную. И уже через минуту мы были в палате Григория. Я перестроил гитару на шесть струн. Играл я в прошлой жизни, научился ещё лейтенантом, певец из меня такой, что оперу не потяну. А в кругу друзей всем нравилось. Лишь бы слух и голос моего тела не подвели. Со словами «Это для тебя Гриша» я запел.

«Под ольхой задремал Есаул молоденький
Преклоняя голову к доброму седлу,
Не буди казака ваше благородие,
Он во сне видит дом, мамку да ветлу …»

Петь получалось, да и голос у моего предшественника оказался неплохим. Руки тоже не подвели, аккорды ложились как надо. Закончив петь я посмотрел на Григория и Ирину. У Григория начали поблёскивать глаза, а Ирина смотрела на меня взглядом домашнего лабрадора. И тут меня понесло.

«Под зарю вечернюю солнце к речке клонит
Всё, что было не было, знали наперёд.
Только пуля казака во степи догонит,
Только пуля казака с коня собьёт …»

Сам себе удивляюсь, любил я раньше попеть под гитару, но у предшественника голос был явно получше чем мой прошлый. Я огляделся. В палату потихоньку вошли другие сёстры милосердия, даже раненые, которые ходячие толпились у палаты. Народ что называется подтянулся. У Григория сияла счастливая улыбка. Тут я вспомнил ещё одну песню «Ах судьба моя судьба» правда пели там дуэтом женским и мужским голосами, ну да где наша не пропадало. Но начать решил с другой. Задумавшись на несколько секунд я вспомнил из прошлой жизни песню, которую любили в нашей семье «Берега»,особенно в исполнении Александра Малинина, вот с нее я и решил продолжить.

«Берега, берега – берег этот и тот,
Между ними река моей жизни.

Между ними река моей жизни течёт,
От рожденья течёт и до тризны....»

Я снова огляделся, закончив песню. Женщины прикладывали платочки к глазам, а через открытое окно я увидел своих казаков и Степана, были ещё какие то люди на улице. Стояла полная тишина, никто не хотел помешать песням.

– Друзья, я вам спою песню казачью, правда петь её надо вдвоём с казачкой, – люди заулыбались от моих слов, – Так что вы не судите строго, попробую без казачки красавицы.

«Никто нас в церкви не венчал, а вся душа горит в огне.
Зачем, казак, ты в степь умчал на вороном своём коне?
Зачем ты встретился со мной, когда коня в Дону поил?
Зачем чубатой красотой казачке сердце покорил? Эхх..
Ах, судьба моя, судьба, ах судьба,
Ах, судьба моя, скажи почему,
Ах, судьба моя, разлука – судьба,
Я ответ найти никак не могу?....»

Во время песни, казаки на улице пустились в пляс с присвистом. Я закончил петь и оглядел людей вокруг и лица были счастливые. И да, мне хлопали. Надеюсь потомки простят меня за такой плагиат.

– Любо! Душа радуется, – проговорил громко кто то из казаков на улице.

Я посмотрел на Григория, он свесил голову на грудь и о чем то думал, кудрявый русый чуб закрывал его глаза.. Я встал увидел Романа Иссидоровича и отдал ему гитару с извинениями.

– Ну что Вы, Иван Дмитриевич, не стоит право беспокоиться. Такие песни благотворно влияют на больных. Уж в следующий приезд не откажите в милости, – восторженно ответил доктор.

Люди стали расходиться. Через минуту мы остались вдвоём с Григорием.

– Не знал, что ты так хорошо на гитаре играешь, – выговорил Гриша.

В училище научился, а на людях почему то стеснялся. Здесь вот накатило, хотел тебя порадовать, – придумал я на ходу отговорку.

– Ты на фортепьяно играешь, я знал про то, на приемах играл, а вот с гитарой… удивил. Спасибо тебе, Ваня, за душу задел, особенно песни казачьи, не слыхал я раньше таких.

– Ну что, Гриша обнимемся, а то пора нам на поезд, – решил я свернуть разговор с темы об авторе песен.

Мы обнялись и пожелав выздоровления своему побратиму я вышел. Казаки уже верхом ожидали меня, я запрыгнул на Буяна и поехал, выезжая из двора приюта оглянулся, Ирина Ивановна стояла у входа и грустно смотрела мне в след.

По мере движения к станции Степан доложил о сделке с купцом.

– Хороший барыш в это раз получился. За новые карабины и винтовки с патронами десять тыщ выручили, за клинки и ножи еще пятьсот, да старье всякое тыща целковых, золото скопом взял да и не много было, в общем за три тыщи взял купец, – объяснил урядник.

– Ну вот, казачкам в помощь пять тысяч семьсот, как приедем подойдете с взводными урядниками, я передам деньги. Смотрите там не обделите никого, – пригрозил я Степану.

– Ваше благородие у нас такого не водится. Всем раздадим окромя новеньких и побитым казакам домой отправим, – искренне заверил Степан

Я ничего не сказал, так как мы подъехали к станции. В Чанчунь поезд прибыл в вечерних сумерках. Сотника я в канцелярии не застал. Вестовой доложил «Их Благородие с офицерами

в кабак ушли, по сей пору не возвертались». Искать его не хотелось, потому пошел я спать. Едва коснулся головой подушки тут же уснул.

Ночью мне снился сон как я после прошения был направлен в Донское войско, про то как направили нас в Маньчжурию. Сон менялся я во сне ясно видел князя Багратиона, потом офицерское собрание, бал, где я играю на фортепьяно вальс.

Проснулся на рассвете. Спать не хотелось, взяв со стола яблоко пошёл в стойло к Буяну. Конь почуяв меня радостно зафыркал. Поглаживая его по шее скормил ему яблоко. Вот сладкоежка. Подумав чем бы заняться, остановил выбор на физической подготовку. Минут сорок посвятил разминке и силовым упражнениям. Потянулся на растяжку, у тела князя слабовата она была, но и не сказать, что её совсем нет. Так , что тянемся и ещё раз тянемся. Закончив эти упражнения взялся крутить шашкой. В десятом часу на крыльцо вышел сотник.

– Доброе утро, князь. Смотрю Вам не спиться, приветствовал он меня.

– И вам желаю здравствовать, Тихон Семенович. Вот решил подтянуть физическую подготовку, – отшутился я.

– Похвально. Вы бы казачков погоняли, Иван Дмитриевич. Им тоже полезно. Приглашаю попить чаю, и он вошел в дом.

За чаем мы обсудили денежные вопросы. Я сдал ему деньги и после подсчетов он мне вернул две пачки по две тысячи шестьсот тридцать рублей.

– Здесь деньги в том числе на Григория Васильевича. Так что как вернётся передадите ему. Кстати, пока вы были в госпитале, вашу долю он брал на хранение. Он ничего не сказал?

– Мы не говорили по этому поводу. Не стоит беспокоится.

После завтрака я провёл развод. В патрулирование отправились третий и четвертый взвод. Подозвав к себе взводных урядников на карте им показал маршрут и зоны патрулирования. А вот первый и второй взвод построил на площадке перед домом где была канцелярия и объявил , что с сегодняшнего дня в свободное время будут проводится тактические учения и учение по безоружному бою. Казаки скисли, но возражать никто не стал. Поэтому два часа казаки усердно валяли друг друга. Были правда те кто нерадиво относился, но я придумал им лекарство. Берут на плечи два здоровых полена и бегут вокруг забора для начала пять кругов. Кто не понял сразу – те бегут ещё пять кругов. По окончанию тренировки казаки стояли в строю взмыленные от пота.

Хорошо. Сейчас свободное время до обеда, потом поедем в поле на стрельбы. Разойдись!

Казаки расходились но вслух никто не ворчал. Перед обедом я снова взялся за блокнот. Итак нужно выяснить всех фанатичных революционеров, провести с ними доходчивые беседы, вдруг кто одумается, если нет будем решать вопрос радикально. До начала войны с японцами запустить производство оружие. Запатентовать максимальное количество технологий. Запустить в производство технологию лекарств. Службу пока не покидаю, а собираю команду надежных людей. Агентурная сеть. Важный вопрос, требующий очень кропотливого подхода. Перестав писать, задумался. Возможно мне доведётся поучаствовать в войне. Щекотливый вопрос по Императору Николаю 2-му. Надо думать на чём его зацепить. Сфальсифицировать предсказания пророка? Возможно. Он вроде как на мистике конкретно повёрнутый, а то зачем бы ему дружить с Гришкой Распутиным. Кстати надо найти этого старца и по итогам разговора с ним возможно отправить его к Архангелу Михаилу. Меня позвали к обеду, я закрыл блокнот и прошел в дом.

После обеда казаки получили боезапас и мы двинулись к низине между двумя холмами. Я построил казаков в развернутый строй.

– Сейчас проведем учебные стрельбы. Стрельба будет проводится лёжа, с колена, стоя, стоя верхом и верхом в движении. Из каждого положения сделать по три выстрела. Старшие урядники расставить щиты на сто пятьдесят саженей, выставить боковое охранение. Приступить к стрельбам по готовности. Исполнять!

Когда отстрелялся первый взвод подвели итоги. На твёрдую троечку общий зачет. Я подождал когда отстреляется второй взвод, результат чуть лучше. Безусловно большинство казаков стреляли вполне прилично, но были и такие кто отстрелялся отвратительно. Я вновь построил казаков.

– Итак. Итог слабенький. Я недоволен такой стрельбой. А вы должны стрелять как «зоркий глаз».

– Ваше благородие, разрешите вопрос? – задал вопрос казак, которого звали Петро.

– Задавай.

– Кто такой «зоркий глаз»?

– Был в Америке легендарный стрелок, который на таком расстоянии попадал в воробья. Еще вопросы есть? – но казаки молчали, вот только кто то проворчал «Нахрена нам стрелять в воробья».

– Вопросов нет – это похвально. Те кто показал плохие результаты, разбиваются на пары. Один берет другого на закорки и двигаемся в расположение. Свободных коней взять в повод. Через километр пары меняются. Сегодня провинившиеся будут конями и наездниками. Взводные урядники, организовать и исполнять! Виновники двигаются рысью.

Надо было видеть, какими казаки прибыли в расположение. Над бедолагами всю дорогу подшучивали товарищи, то и дело слышались взрывы хохота. В расположении я вновь построил казаков.

– Сегодня вы получили урок. Чтобы вы знали для чего я это делаю, поясню. Мне надо, чтобы вы живыми и здоровыми вернулись к своим жёнам или родителям. А для этого нужно уметь убивать противника быстрее чем это сделает он. Такие учения будут проводиться два раза в неделю. Разойдись!

Казаки двинулись рассёдлывать лошадей. Я тоже пошёл заниматься Буяном. Снова взрыв хохота, по прежнему издеваются над теми, кому сегодня не повезло.

Ночь я спал плохо. Нет, кошмаров не было, мне снилось детство князя, неожиданно просыпался от головной боли, а заснув, снова сон как будто сериал смотрю. И так всю ночь. Утром я проснулся с жутким недосыпом. Зарядку конечно сделал с растяжкой. И вот сижу, зеваю и пытаюсь взбодриться чаем. Пришел Семён и принес чехол для крепления к седлу, как у американских ковбоев, я ему эскиз нарисовал. Винтовку удобней возить в чехле.

– Ваше Благородие, разрешите обратиться.

– Слушаю тебя, – ответил я снова зевая.

– Казаки…там это…общем казаки… круг собрали… и эээ..

– Семён, у тебя что язык к зубам присох? Что там казаки и какой ещё круг? Сотника переизбрали?

– Эээ.... Чё? – Семён совсем завис и смотрит так испуганно.

– Ладно я пошутил. Ну чего там казаки?

– Казаки просили сказать, что вы вчера… жёнки казаков…

Меня начал разбирать смех. Я не так давно Семёна узнал, но видел его таким первый раз.

– Продолжай, чего казаки хотят?

– Ваше Благородие, вы не сумневайтесь, казаки будут стараться, чтобы значит к жёнкам живыми и здоровыми, – наконец то выдал он.

– Ладно, понял. Ступай и спасибо за чехол к винтовке.

Я построил казаков на развод. Валов тоже пришёл. Сегодня он видимо решил сам поехать на патрулирование. Что же, сегодня видимо мне снова дрессировать только третий и четвертый взвод.

Поэтому пояснив , что нужно делать. Переложил почётную обязанность следить за тренировкой на унтеров, сам уселся в тенёчке с блокнотом и карандашом. Время близилось к обеду, казаки закончили тренировку. Сегодня они видимо старались, потому я только десяток

человек отправил в забег вдоль забора вокруг нашей территории. А вот уже и к обеду казаков зовут, пойду и я перекушу.

Я пообедал и вышел на веранду крыльца канцелярии, когда к нам территорию на полном скаку влетела коляска. Из коляски выскочил полноватый мужчина в форме гражданского чина. С криком «где командир?» он подбежал к канцелярии и начал кричать «я приказываю» ну и что то подобное. На веранде стояло ведро с водой, я зачерпнул ковш и подал ему. Он захлёбываясь выпил и начал внятно говорить. Из его слов я понял, что он статский советник, и что поезд министра путей сообщения действительного тайного советника Хилкова Михаила Ивановича ехал с инспекторской проверкой, в том числе на станцию Чанчунь. Не доезжая пять верст до станции, поезд остановили заблокировав пути поваленными деревьями. После этого на поезд напали хунхузы. Охрана поезда ввязалась в перестрелку, которая была ближе к хвосту поезда. Хунхузов порядочно перебили. Но небольшая группа воспользовалась суматохой подкрались с головы поезда к вагону министра, он был сразу за паровозом. В общем министра выкрали. За компанию с ним пять сестёр милосердия, группа медицинских работников ехала на Чанчунь. И что какой то генерал приказал немедленно организовать погоню. Пока статский советник рассказывал я велел вестовому передать приказ горнисту трубить «Боевая тревога» и бегом ко мне урядников. Этот советник так разволновался, что махал руками и кричал, что я за всё отвечу. Я грустно подумал «Вот Валов как чувствовал и свалил, а я тут теперь расхлёбывай кашу полной ложкой». Задавая вопросы, выяснил что все произошло чуть больше часа. А советник помчался к казакам. Достаю карту тайный советник кое как показал где произошло, описал ориентиры на местности и показал направление. Значит похитители рванули в сторону реки Сунгари на запад к Монголии. Я быстро обрисовал обстановку унтерам, тут же выяснили что есть два следопыта из потомственных пластунов. Кони к этому времени были осёдланы, мы направились в сторону засады на поезд.

К месту подъехали через полчаса, время отставания два часа. Следы обнаружили в трёх направлениях. Ко мне подъехал один из следопытов Алёхин Тимофей.

– Вашбродь, тот след, который левее глубокий. С грузом шли или по два всадника на каждом коне, – доложил он.

Решили разделиться. Я взял Алёхина, и пять казаков из старослужащих, более опытных вояк. Мой след левый. Остальных направил в оставшиеся направления.

– Идёте по следу не более двух дней, дальше не имеет смысла. Когда догоните сразу в бой не вступать. Ударили и тут же отскочили. Людей беречь. Выполнять! – отдал я распоряжение.

Сам со небольшим отрядом пошёл по следу, который указывал на меньшую группу беглецов. Тимофей следы читал хорошо, час мы двигались в приличном темпе. Потом дали отдых лошадям, перейдя на шаг. След банды забирал еще левее, получая направление на юг. Еще через два часа убедились, в направлении к заливу. Быстро уже не ехали, кони явно устали. Алёхин заявил.

– Петлю делають, Ваше Благородие. Видно остальные просто отвлекали погоню.

– Заложников они не убьют, – констатировал я, двигаясь рядом с Тимофеем.

– Это да. Заложников для выкупа берут. А вот баб помнут и потискают. Как только на привал встанут, так сразу и задерут юбки бабам, – как то обыденно прокомментировал он.

Солнце близилось к закату. Но след был ещё виден. Я приказал соблюдать всем молчание.

Прошло еще полчаса. Алёхин остановил наш отряд, и заявил, что дальше надо двигаться пешком. Ну что же, пешком значит пешком. Спешились. Двух казаков оставили с лошадьми.

– Уже близко, Ваше Благородие, – шепнул Тимофей.

Когда совсем стемнело. Алёхин поднял руку вверх показывая остановку. Через несколько минут мы подкрались к краю оврага, внизу протекал ручей. Похитители разожгли костёр, но из леса его было не видно. Министр сидел недалеко от костра, по кителю не спутаешь, у него были

связаны руки за спиной. Рядом с ним сидели три женщины, тоже связанные. Четверо бандитов сидели у костра. Остальных было не видно. А вот женщин сказали пять, и где ещё две?

Ко мне почти неслышно подполз казак, в темноте я не разглядел кто.

– Ваше Благородие мы нашли два секрета, по два человека, – прошептал он

– Сможете снять тихо? – в ответ прошептал я.

Казак подтвердил. Итак насчитали восемь. Не хватает двоих хулиганов и двух женщин. Может их где в сторонке оседлали? Алёхин тронул меня за плечо. Показывает на пальцах, что нашёл ещё двоих. Один левее у кустов, а второй чуть правее за чертой света от костра. Опытный пластун это не фунт изюма. Четверых казаков отправил снять секреты, время через три минуты, Тимофея отправил на того что левее, оставшимся казакам приказал взять на прицел четверых у костра, они сразу распределили цели. Сам я пополз к тому месту, где находился последний бандит с жертвой.

Продвинувшись к тому месту где должны быть женщина и бандит я остановился. Совсем не вижу. По времени в течении минуты начнут. И тут я услышал вроде как мычание, а потом треск разрываемой тряпки. Продвинулся еще немного. Темнота в лесу кромешная. И тут что то белое блеснуло, еще немного продвинулся, ну точно задранная юбка огалила ногу. Женщина пытается сопротивляться, но бандит крепко зажал её. Рот видимо заткнул ей. Он почти пристроился, снова треснула тряпка. Похититель грубо раздвинул ноги жертве. В этот момент раздались выстрелы. А я прыгнул с ножом вперёд. Нож вошёл в затылочное основание. Похититель умер сразу. Женщина не разглядев меня в темноте задёргала ногами, руки связаны за спиной, юбка задрана, в темноте белеют ноги. Тем временем казаки рванули к костру. Я повернулся к женщине вытащил кляп и разрезал путы на руках. И тут она потеряла сознание. Даже в темноте тело её было вполне фигуристое, а ноги… выше всяких похвал. Взяв её на руки подошёл к костру.

Пленников развязали. У казаков потерь нет. В секретах казаки похитителей прирезали. У костра трое наповал, один тяжело ранен, лежит корчится. И только Алёхин взял своего живым и здоровым. Я подошёл к министру и представился, его уже развязали.

– Имею честь представиться, князь Иван Дмитриевич Багратион.

Князь Михаил Иванович Хилков, – представился в ответ министр.

– Надеюсь Вам не нанесли большого вреда, Ваше Высокопревосходительство?

– Вроде как. Дамы тоже целы и живы. Вы успели вовремя. Кто вы и ваши люди?

– Патрульная сотня Донского войска. Поручик, командир полусотни, а здесь со мной моя разведка.

– Представлю вам женщин. Графиня Анна Николаевна Адлерберг и графиня Дарья Николаевна Адлерберг, они сёстры. С нами еще три сестры милосердия, к сожалению не имею чести знать их имен, – усталым голосом пояснил министр.

Пока пленники немного приводили себя в порядок, казаки оттащили живого бандита и попробовали допросить. Делать они это умели, пленный заговорил, но увы.. на японском. Так что кроме меня его понять никто не мог. Но и я раскрывать знания японского не хотел.

– Вяжите этого пленника, повезем с собой, пусть с ним в штабе разбираются, приказал я.

Казаки привели коней. Решили заночевать здесь и уже по утру двигаться на станцию. Заложникам соорудили простенькие постели. Я распределил ночную вахту. Графини дрожали от нервного потрясения. У меня была с собой фляжка с коньком. Министр выпил почти половину. Остальное я силой споил женщинам. Коньяк сделал своё дело и вскоре бывшие заложники уснули. Утром упаковали пленного, которого захватил Алёшин.

Казаки приготовили походный завтрак и заварили травяной чай. Министр сам завёл разговор, интересуясь событиями, которые происходили после их похищения. Я коротко пояснил, что нападение было всего лишь отвлекающим фактором. Целью по моему предположению и был министр, а женщин прихватили, так попутно. Сработали похитители вполне грамотно.

Пустили на убой хунхузов, а сами в суматохе провели акцию. В свою очередь я поинтересовался с какой целью графини ехали в поезде. На что мне Михаил Иванович прояснил о фрейлинах Императрицы. Ехали они как представители короны с благотворительными целями и проверкой госпитальных приютов в том числе, маршрут такой поездки до Владивостока, а строительство КВЖД достаточно громкое событие и там присутствие императорского двора благотворно скажется на правлении Романовых.

Графини тоже щебетали о своих благодарностях. Правда Анна Николаевна поначалу всё отводила взгляд от меня, но разговорившись, наоборот смотрела с интересом. Сёстры милосердия прислуживали графиням в силу обстоятельств. Даже в таких обстоятельствах фрейлины пытались привести себя в порядок.

– Я непременно доложу Его Императорскому Величеству о вашем храбром поступке. Случись вам быть в Петербурге милости прошу без всяких стеснений. Если понадобиться протекция, не стесняйтесь, – продолжал благодарить министр.

– Будете в Петербурге обязательно сообщите нам о своём приезде, мы просто обязаны отблагодарить вас, – добавила Анна Николаевна и посмотрела так, что у меня появились двусмысленные предположения, хотя её сестра не меньше кидала в мою сторону загадочные взгляды.

Я отвечал, что непременно воспользуюсь их приглашением и не позднее как этим летом. Сборы продолжались. Фрейлины подсели ко мне ближе и негромко заговорили, министр в это момент отвлекся расспрашивая казаков.

– Князь, у вас очень проницательный взгляд, – начала разговор Дарья Николаевна, по её взгляду я понимал, что нравлюсь ей.

– Вы знаете, князь у вас такой необычный цвет глаз, – подключилась Анна Николаевна.

– В чём же его необычайность? – автоматически переспросил я.

– Ярко-синий, именно не голубой, а синий, – пояснила Анна Николаевна.

Стоп! Что? Какой ярко синий? Я точно помню, что когда я рассматривал себя в зеркало, цвет глаз был серо-голубой. Внешне я не показал, что удивлен. Дамы явно флиртовали со мной. Мой прошлый жизненный опыт говорил мне об этом.

– Князь, я могу вас попросить об одолжении? – спросила одна из сестёр, я заметил как они загадочно переглянулись.

– Несомненно Анна Николаевна, – учтиво ответил я.

– Вчера… я кажется потеряла там, своё украшение не поможете мне его поискать, – она показала в ту сторону куда вчера её утащил похититель, и сёстры снова переглянулись.

Я ответил согласием и полной готовностью. Дарья Николаевна завела разговор с министром, а мы с её сестрой удалились, к вчерашнему месту действия. Отсюда нас не видели. Я хотел было спросить, что за украшение. В этот момент Анна Николаевна споткнулась, я подхватил её за талию. Она же обхватив меня руками за шею, приблизила своё лицо к моему. Она дышала так, что у меня отпали всякие сомнения в её намерениях. Видимо прошёл откат её нервных переживаний. Мы наверняка оба не поняли как слились в жарком поцелуе. От неудобной позы повалились на траву. Графиня и не подумала отпустить свои объятия, а наоборот ещё крепче притянула меня к себе. Она с жаром порывисто дышала. Ну а я… А что я? В моём новом молодом теле гормоны били фонтаном. Мы лихорадочно начали срывать с меня френч и амуницию, не прекращая поцелуи. Завалив её на спину, путаясь в её длинной юбке я оказался сверху. Её дыхание только добавило страсти нам обоим. И случилось то, что должно было случиться. Мой опыт будущего в таких утехах, позволил довести графиню до высшей точки наслаждения. Устав мы лежали обнявшись. В голове крутилась мысль «О времена, о нравы».

– Князь, в вас бушует дикая и животная сила. Я просто теряю голову, – прошептала Анна Николаевна

Я промолчал, поглаживая её по спине. А она добавила.

– Жаль, что вы не живёте в Петербурге. Вам непременно надо перевестись в гвардию. Я могу помочь устроить. Кстати моей сестре вы понравился не меньше, но я оказалась смелее, – графиня заулыбалась, довольная.

Пора было вернуться к остальным. Графиня сняла с себя цепочку с кулоном и оказала мне, с пониманием, что мы икали это украшение и нашли. Когда мы подошли к своим, все уже практически собрались. Графиня объявила, что мы нашли дорогую для неё вещь. А её сестра посмотрела на нас с явным сарказмом. Провозились еще какое то время усаживая женщин на лошадей бандитов. То платье задирается, то неудобно. Но все же сборы закончились и мы тронулись в путь. Поехали другой дорогой, ориентируясь по карте, чтобы сократить путь. Так и ехали медленно, дорога затянулась на пять часов. Все же после трёх часов пополудни прибыли на станцию. Переполох начался несусветный. Поезд министра стоял на путях, вот мы и проводили наших спасённых к вагону министра. Переполох с суетой надо видеть. В этой суматохе про нас как то вдруг позабыли. Отрапортовав местному начальству, что письменный рапорт я пришлю позже, мы уехали к себе в расположение. Сотника с полусотней не было, не вернулись из патруля. Отдав Буяна Семёну, я пошел в канцелярию сочинять рапорт и отчет по рейду.

Через два часа вернулись казаки. Урядники доложили о своих действиях.

– Значится узкоглазых мы догнали быстро, ну и посекли с налёту. Я оставил двух казаков с трофеями, велев им двигаться в расположение. Сами рванули на помощь четвертому взводу. На переправе через Сунгари взяли и этих. Решили за вами, ночь правда нас застала, торопиться не стали снова по следу. В полдень нашли побитых лиходеев, встали опять на ваш след. Вот только кони уже устали. Вот так и возвертались по вашим следам. Убитых нет, раненых чуток, да там так царапины, шесть казаков. Трофеи взяли, да лошадей отловили четыре десятка, – доложил старший урядник третьего взвода Василий Астахов.

– Хорошо, сейчас идешь к писарю он все с твоих слов пишет и мне сюда. Ступай.

В канцелярию зашёл вестовой и спросил разрешения пропустить статского советника, который приезжал накануне. Я дал разрешение пропустить его. В кабинет вошёл невысокий мужчина по возрасту за сорок, полноватый невысокого роста, тот самый что истерил накануне.

– Прошу прощения господин поручик, у меня к вам..... – начал он разговор, но я перебил его.

– Хочу представиться, князь Иван Дмитриевич Багратион. Потому обращаться вы ко мне должны «Ваше благородие», – решил я поставить на место слишком резвого советника, он смешался и полминуты думал, видимо решил продолжить.

– Статский советник Рябов Кузьма Петрович. Видите ли, князь… – но я снова прервал его.

– Если вам не удобно обращаться «Ваше Благородие», можете обращаться ко мне «Ваша Светлость». Дело в том, что мой род принадлежит к древнему, с королевскими корнями, роду. Я не думаю, что вы хотите нанести мне оскорбление, – советник завис, видимо в нём боролись противоречивые чувства или он не привык к такому обращению.

– Прошу прощения, Ваше Благородие. Если позволите у меня к вам конфиденциальный разговор, – он уставился в ожидании.

– С удовольствием вас выслушаю, – решил я смягчиться.

И советник довольно осторожно стал говорить о том, что мне нужно показать ситуацию по спасению министра в выгодном для нас и для них цвете. И предложил мне версию. Генерал-майор Дудинцев Пётр Афанасьевич, а также пяток полковников и подполковников, в том числе майор командир охраны, это видимо одна шайка-лейка, при прямом участии с пяток статских советников, обер-церемониймейстер, трое действительных статских советников очень быстро организовали оперативный штаб, разработали план по спасению министра и фрейлин Императрицы, дали мне приказ, а я с казаками, причем мне ещё и пехоту хотели

в помощь дать, внял, осознал, взял под козырёк. С храбростью и самоотдачей не жалея сил, и подков лошадей, выполнил приказ оперативного штаба. А бывалые, храбрые пехотинцы охраны вели тяжелейший бой с бандитами в количестве тысячи сабель. Я сидел смотрел на него и офигевал. Нет понятно, что за спасение такой персоны прольётся целый водопад «плюшек». И всем хочется не вазелином зад мазать, а очень даже погреть руки и показать преданность и полезность Короне. Мдааа.

– Скажите, уважаемый Кузьма Петрович, из того, что вы наговорили я увидел полезность для ВАС, а в чем полезность для НАС? Если я буду придерживаться вашей версии, – задал я вопрос.

– Ну как же, Ваше Светлость? Вас и ваших казаков наградят. А его Высокопревосходительство генерал-майор Дудинцев окажет вам протекцию, замолвит слово перед министром. Он сдружился с фрейлинами, а они могут составить протекцию службы в гвардии. Наверняка вам хочется попасть в гвардию. У генерала есть связи на самом верху, скажу больше он с знаком с Великими князьями. Ваша карьера взлетит вверх, – старательно перечислял советник.

– Вы предлагаете указать тысячу хунхузов. Мы сдали пленного японского лазутчика, он может дать другие данные.

– Ну что вы, Иван Дмитриевич? Во первых хунхузов никто не считает, во вторых японский лазутчик убит. Он оказал сопротивление напал на офицеров и они его убили.

Ну кто бы сомневался. Я поражался продуманности паркетных офицеров. Наверняка японку просто грохнули, чтобы не наговорил лишнего. Я решил не торопиться с ответом.

– Уважаемый, Кузьма Петрович, сегодня вечером с патрульного рейда вернётся мой непосредственный командир подъесаул Валов, я всенепременно доложу ему обо всех пожеланиях генерал-майора. Думаю что завтра до обеда он даст ответ.

На этой ноте статский советник отбыл, по всей видимости недовольный моим ответом. Я решил сегодня рапорт не писать, приедет сотник, потом напишу.

Глава 5.

Июнь 1900 год. КВЖД. Станция Чанчунь.

На станции Чанчунь в тупике стоял поезд министра путей сообщений. Один из вагонов был оборудован для генерал-майора Дудинцева Петра Афанасьеича, в вагоне, в рабочем кабинете перед генерал-майором стоял статский советник Рябов.

– Послушайте господин советник вы видимо не понимаете что вам было приказано сделать. Или быть может вы не понимаете какие последствия нас ожидают, после того, когда выяснится, что мы все ничего не сделали для вызволения министра? – кричал генерал.

– Ваше Высокопревосходительство, этот поручик не отказался прямолинейно, а сказал, что решать будет его командир. И потом он совершенно заносчив, начал тыкать мне своим княжеским титулом, – оправдывался Рябов.

– Говорите князь Багратион? Хм.... – задумчиво произнес генерал.

– Давайте подождем до завтра. Нужно вызвать этого сотника и надавить на него, предложил советник.

– Казаки очень несговорчивы, как правило среди них полно грубых, тупоголовых болванов. Упускать такую возможность засвидетельствовать Императору свою преданность, поверьте очень хочется. Да и напугать этого поручика нечем, послать на войну? Определённо он и так здесь находится, да и нет войны сейчас как таковой, – генерал ходил взад вперед по купе явно нервничая.

В это время в вагоне по соседству с вагоном министра, в шикарном люксе вели беседу две сестры графини, фрейлины Императрицы Всероссийской.

– Даша как тебе это молодой поручик? Красавчик не так ли? – спрашивает сестру Анна Николаевна

– Да уж. И рост и стать. Он принадлежит к королевскому роду Багратион. Наш батюшка знаком с Дмитрием Петровичем, он у нас бывал на приёмах. А вот его сына? Я вообще не знала про такого, – слегка мечтая рассуждает Дарья Николаевна.

– О Боже! Какой у него взгляд и цвет глаз! Когда он вблизи посмотрел на меня, у меня по спине мурашки побежали, а внизу живота появилась приятная истома, – по лицу Анны можно было понять что она думает о чем то приятном.

– Неужели ты успела? Прямо там в лесу? Аня, не будь букой расскажи, – попросила Даша

– Знаешь он другой. Как тебе объяснить? Животная сила так и льётся из него. Как опасный хищник. Я просто видела как он убил того бандита. Вот взять гвардейцев, они учтивы, умны, красиво ухаживают, но как то все это показное, не настоящее. А этот..... Он ласкает так, что хочется чтобы он съел тебя. Я ничего подобного не испытывала с мужчиной. В какой то момент я не соображала ничего. Просто тонула в наслаждении, – сказав это Анна посмотрела на сестру.

– Ты рассказываешь, а я умираю от любопытства. Аня, ты ведь уступишь мне его, когда он появится в Петербурге, – Даша посмотрела на сестру умоляющим взглядом.

– Думаю что он совершенно необуздан, такого нельзя приручить. Ну если хочешь попробуй соблазнить его, – засмеялась Анна.

В это же время в вагоне министра путей сообщений. Министр вызвал адъютанта и даёт ему распоряжения.

– Узнайте мне все про этого поручика. Он представился князем Иваном Дмитриевичем Багратион. Соберите полную информацию. Подключите людей в столице. Я надеюсь вы меня не разочаруете.

– Сколько у меня времени? – спросил адъютант.

– Постарайтесь уложиться за месяц. Я хочу порекомендовать его Императору. Мне понравился этот молодой офицер, не хотелось бы попасть в неловкое положение, проявив неблагодарность.

Адъютант кивнул и щёлкнув каблуками вышел.

Июнь 1900 год. КВЖД. Чанчунь. Харбин.

Солнце клонилось к закату, я сидел на веранде нашего домика и чистил оружие. Вернулся подъесаул с полусотней. Нужно было поговорить с Валовым по поводу всех притязания генерала. Сотник сидел в канцелярии, я выложил ему всё, что предложил мне статский советник. Валов не был конечно тихоней, но чтобы так ругаться, даже не ожидал от него.

– Тыловые крысы! Гниды паркетные! Вот откуда такие берутся, Иван Дмитриевич? – негодовал сотник.

– Уверяю вас, Тихон Семёнович, так было и будет всегда. Во время войны боевые офицеры защищают отечество, а в мирное время паркетные генералы задвигают их в сторону.

– Удивляюсь вам как вы можете быть спокойным. Я бы не сдержался и дал в морду этому чинуше, кипятился сотник.

– Тогда уважаемый Тихон Семёнович, завтра в Чанчунь я поеду, а то вы не сдержитесь, вас оскорбят и придется вам убить негодяя на дуэли, смеясь заявил я, а Валов не выдержал и тоже рассмеялся.

– Уж сделайте одолжение, невозможно смотреть на их противные рожи, – добавил он.

Я написал рапорт о событиях связанных с похищением министра путей сообщений. Перед тем как дал читать Валову объяснил.

– Тихон Семёнович, вы при патрулировании банду ликвидировали. Сколько там сабель было?

Пятьдесят тел насчитали, всего было около восьмидесяти. Остальных разметали, может раненые были среди убегавших. К чему спрашиваете, Иван Дмитриевич?

– Хунхузов вы встретили западнее железной дороги по направлению к Сунгари. Целесообразно указать что этот отряд шел на соединение с похитителями, таким образом в операции приняла участие вся сотня. А было это так или нет, мы с вами тоже не знаем. Понимаете о чем я говорю? – я посмотрел внимательно на сотника.

– Хм, отдаю должное вашим аналитическим способностям, князь, – произнес задумчиво подъесаул.

– Общего плана у нас не было и придумывать ничего не надо. К вам я отправил дозорного, вы вышли на перехват и перехватили отряд хунхузов. Остаётся определится с количеством сабель противника. У нас было три схватки. Десяток японцев и два взвода, до полусотни.

– И у нас полсотни. Хм, пожалуй так верно будет. Я отмечу в своём рапорте вас как грамотного тактика, умеющего принимать мгновенные решения. Я рад, Иван Дмитриевич, что вы все правильно понимаете и заботитесь о всей сотне. Без лести, рад что мне доводиться служить вместе с вами.

– Тихон Семёнович, нужно подготовит список на наградные листы. А что касается генералов и чинуш, невместно нам боевым офицерам заигрывать с ними. Это моё твёрдое мнение.

В общем поговорили. Договорился с сотником, что отпустит меня в Харбин проведать Григория.

На следующий день подъесаул сам проводил развод. Определил немногочисленные дозоры, поставил цель разведать местность, охватывая глубину изучения от железной дороги с обоих сторон не менее пятидесяти вёрст. Назначил шесть отрядов дозорных, куда вошли урядники и по десятку казаков в каждый отряд. Строго настрого велено в бой не вступать. Остальным досталась дежурство и занятия по тактике. Распустив сотню пригласил меня на беседу.

– Иван Дмитриевич, я с утренним поездом в Харбин поеду, Там отправлю наместнику и нашему командованию отчеты. Дело серьёзное, не хочется чтобы нас в интриги втянули.

Да переговорю с полковником Земиным. То что эти чинуши и паркетный генерал пытаются интриговать нашим командирам явно не понравится. Ну а вы, князь, поедите к министру или куда там они приглашают.

– Да никуда не приглашали, точнее не конкретизировали, Тихон Семёнович.

– Прекрасно. Вы только с ним в прямой конфликт не вступайте. А то знаю я вас, что вы, что Григорий, оба вспыльчивые чуть что – дуэль. Я надеюсь на ваше благоразумие.

На этой ноте сотник укатил на поезд и в Харбин. Я же пошёл проверить как казаки готовятся к занятиям пр физической подготовке. Раз начал закручивать гайки, останавливаться нельзя. Через час в расположение въехала коляска, прибыли нежданные гости. Опять появился тот же статский советник и с ним приехал армейский капитан.

Я чистил Буяна, когда увидел въезжающих гостей. Позвал Семёна, а сам пошел умываться и уже через пять минут подошёл к канцелярии. Статский советник Кузьма Петрович представил мне капитана, как адъютанта генерал-майора Дудинцева Петра Афанасьевича. Назвался адъютант, как барон Кренк Александр Янович Я поприветствовал его а ответ и пригласил для разговора в канцелярию. По просьбе прибывших я более подробно рассказал о рейде по спасению министра.

– Не принимайте мои слова превратно, но предложение указать тысячу сабель хунхузов выглядит глупо и фантастично. Мои люди уничтожили в пределах сотни, согласитесь что вы не можете показать девятьсот уничтоженных хунхузов. Да и не устоять было бы охране поезда против такой силы. Вас бы перебили всех и поезд бы разграбили, – пояснил в конце своего рассказа, и по моему Кренк со мной согласился.

– Определить точное количество нападавших мы не смогли, убитыми подобрали чуть больше полусотни, – добавил сам барон, на меня он произвел впечатление думающего офицера.

– Про что я и говорил прошлый раз Кузьме Петровичу. И про оперативный штаб полная глупость. Не смогли бы вы создать оперативный штаб за столь короткое время. Могут появиться обвинения во лжи. Не знаю кто как, а я лично дорожу честью, – я пытался как можно мягче донести свою мысль до собеседников.

– Я вас, Иван Дмитриевич понял. Для благородного человека честь – не пустой звук. Постараюсь донести до генерала правильную мысль, – выразился барон, а советник не осмелился оспаривать его.

Барон и статский советник откланялись и уехали. Я довольный, что не пришлось грубить, могло ведь и дуэлью закончится, пошёл проверить как казаки проводят тренировку. Уделив внимание казакам, примостился на телеге с сеном, достал блокнот решил делать записи. Прервал меня Степан Мелехов.

– Ваше Благородие, разрешите обратиться, – и когда я кивнул продолжил – С трофеями порешать требуется. Сотник сказал, что вы знаете как распорядиться.

– Вот что Степан, лошадей куда пристроить и сам знаешь. Трофейное оружие приготовить, завтра в Харбин поедем, отбери десяток казаков. У меня дела в Харбине, так что с купцом сам будешь договариваться. Все пожалуй, ступай, – ответил я раздосадованный, что меня отвлекли от мыслей.

Попытался сосредоточится га воспоминаниях, в который раз думая о том, какие компоненты требуются для изготовления свето-шумовой гранаты. Не то чтобы совсем не помнил, а как будто заклинило. Пару минут намаявшийся, захлопнул блокнот и посмотрел на часы. Время подходило к обеду. Решив отложить мысленное копание в памяти, пошел к казакам принять доклады от урядников.

После обеда выехали на импровизированное стрельбище. Результат можно оценить как удовлетворительные, ожидаемо, ведь казаки как не крути воинское сословие. Вернувшись со стрельбища отдал Буяна ординарцу, а сам пошёл в дом, надо было привести себя в порядок перед поездкой к министру по приглашению. Через полчаса ожидая когда Семён почистит

мундир, задумался. Мне сказали что мой предшественник играет на фортепьяно, что это совпадение? Дело в том, что в прошлой жизни я в юности учился играть на фортепьяно. Мы жили за границей, отец был там по службе, и мама меня развивала в культурном направлении, кроме знания иностранных языков были музыкальные уроки и танцы. Мне это даже пригодилось в дальнейшем по службе в разведке. Довелось работать под прикрытием, а там была легенда такая, что требовались умения играть на пианино. Даже неплохо исполнял различные композиции из классиков.

Не дожидаясь ужина я уехал на станцию Чанчунь. Михаил Иванович находился в своём поезде, да уж с таким интерьером вагонов гостиницы ни к чему, да и не было еще в Чанчуне приличной гостиницы высокого уровня. Поезд охранялся, но меня пропустили и подъехав к вагону я передал поводья молодому корнету, а сам вошел в вагон. Хилков доброжелательно приветствовал меня. После нескольких фраз он объявил.

– Иван Дмитриевич, сегодня в местном ресторане будет ужин и небольшой вечерний раут. Это не бал конечно. Хотя местные господа уверяют меня, что все будет прилично. А знаете ли несравненные графини Анна Николаевна и Дарья Николаевна пережили такой стресс, не мешает их немного отвлечь, – министр недолго думая повел меня к выходу.

Фрейлины видимо уже отъехали в сопровождении офицеров, с нами в коляску сел адъютант Хилкова и незнакомый мне мужчина в мундире государственного служащего. Хорошо, что я одел парадный мундир. Ехать было не далеко. Ресторан находился на центральной улице, строение было добротное, видимо хозяин вкладывал деньги планируя на будущее, что спрос на посетителей будет. Рядом с заведением стояли коляски, а возницы собирались в небольшие кучки для ожидания своих хозяев, понимая, что развозить гостей тоже потребуется. Хилкова встречали у входа, всё же он был главным «гвоздём» сегодняшнего вечера. Помещение было просторным и смогло вместить без тесноты порядка пятидесяти человек, и откуда только набралось столько. Дамы присутствовали, фрейлин сопровождали служанки и без сомнения все дворянского сословия, да прибавить жен местного бомонда. Хоть и без столичной пышности зал был украшен вполне прилично. В дальнем углу даже стояло пианино. Я постарался не отсвечивать и не привлекать особого внимания. В бокалы разливали вполне приличное шампанское. Адъютант Петра Афанасьевича взял можно сказать шефство надо мной. Александр Янович знакомил меня с гостями, комментируя чуть позже, кто есть кто и чем занимается данный человек. Было такое впечатление, что барон знает всех. Фрейлины Государыни Императрицы также находились в центре внимания. Кренк выбрал время и представил меня генерал-майору Дудинцеву. Побеседовали, тему спасения министра генерал не поднимал. Генерал в принципе не пыжился, видимо барон донёс до его головы, что затея показать участие в спасении не жизнеспособна. Произносили здравицы в честь фрейлин и министра. Как говориться веселье набирало обороты. На фортепьяно вполне неплохо играл музыкант.

Когда гости разогрелись напитками напряжение в общении спало. Анна Николаевна помузицировала, естественно по просьбе кавалеров и дам. И вдруг Анна Николаевна, закончив играть очередную мелодию, достаточно громко обратилась ко мне.

– Иван Дмитриевич, мы наслышаны о том, что вы неплохо играете на гитаре и фортепьяно. Не откажите в любезности, порадуйте нас своим умением, – предложила она.

– Просим, просим! – подхватила Дарья Николаевна и взяв меня под руку подвела к инструменту.

К просьбе подключились еще некоторые гости и даже Хилков предложил не разочаровывать дам. Отказываться не было смысла, ну вот что играть. Мысленно я думал, и что за доброжелатель сдал меня. Я совсем не знал какую музыку здесь предпочитают, хотя Анна Николаевна играла романсы и даже спела. Помнится в прошлом, моя мама любила романсы и я знал немало песен. Решил начать с песни «Очарована околдована». Моей маме нравилось исполнение Малининым.

Хорошо, по просьбе наших прекрасных дам, пусть песни и музыка будут о любви, – произнес я, присаживаясь за инструмент.

Попробовал звучание и немного размял пальцы. Оглядел публику, не привлекать внимание у меня получилось, все смотрели в мою сторону, а некоторые офицеры как-то свысока что ли. Я тронул клавиши и музыка полилась.

Очарована околдована, с ветром в поле когда то повенчана,
Вся ты словно в оковы закована, драгоценная ты моя женщина....

Закончив играть повернулся к гостям. Сначала было молчание, но потом пошли аплодисменты. Фрейлины и ещё три молодые женщины стояли возле пианино. Многие гости тоже приблизились, а я хотел встать и закончить спонтанное выступление. Хотя признаться честно мне самому нравилось играть ещё в той жизни.

– Князь, вы не можете отказать в нашей просьбе ещё с играть. Очень просим, – поторопилась сказать Анна Николаевна и сестра поддержала её.

Присев возле инструмента снова задумался. Пожалуй песни группы «Белый орёл» вполне будут в тему. Я тронул клавиши и начал песню «Как упоительны в России вечера».

Как упоительны в России вечера, любовь, шампанское, закаты, переулки,
Ах лето красное, забавы и прогулки, как упоительны в России вечера…

После песни у некоторых гостей были задумчивые лица. Я посидел с минуту помолчал и тронул клавиши, а решил спеть из репертуара Малинина в будущем «Дай Бог». Эх простите меня будущие поэты и музыканты. Но вы люди талантливые надеюсь у вас будут и другие стихи и песни.

Дай Бог слепцам глаза вернуть и спины выпрямить горбатым
Дай Бог быть Богом хоть чуть-чуть, но быть нельзя чуть-чуть распятым
Дай Бог не вляпаться во власть и не геройствовать под ложно
И быть богатым, но не красть, конечно если так возможно
Дай Бог быть тёртым калачом, не сожранным ничьею шайкой,
Не жертвой быть ни палачом ни подлецом ни попрошайкой....

Закончив мелодию, кое-что пришлось переделывать на ходу в соответствии со временем. Я встал и кивком головы поблагодарил гостей за аплодисменты, а сам отошёл от инструмента. Место у инструмента занял местный музыкант и заиграл какую о музыку похожую на вальс. Стоя у раскрытого окна, в помещении становилось жарковато, я увидел как возле фрейлин собралась группа молодых женщин, они о чем то разговаривали. А потом трое из них направились ко мне, среди них была Дарья Николаевна.

– Князь, не будите так любезны, сказать нам что это за произведения и кто автор, – обратилась графиня ко мне.

Выдавать себя за автора не хотелось и сказать правду невозможно.

– Один знакомый написал, сейчас его нет, а известности он не искал, – попытался отговориться я.

– Князь, вы ведь не откажите мне написать стихи и ноты? – спросила графиня.

– Непременно, Дарья Николаевна, завтра к вечеру пришлю с нарочным, – успокоил я её, думая, что придется сегодня всё записать, а то завтра я уеду в Харбин.

Окончания вечера дожидаться не стал, поблагодарив Хилкова и фрейлин за прекрасный вечер откланялся и ушел. На прощание получил наказ обязательно посетить, как только появ-

люсь в столице. Конь мой остался возле поезда, но коляску брать не стал, прогулявшись по вечернему Чанчуню. Уже через полчаса я был в расположении сотни. Перед сном успел записать стихи и ноты, исполненных композиций на вечере. А ночью мне снился сон с историческими датами различных событий в России и за рубежом.

Проснулся не выспавшимся, сделал зарядку во дворе, что привело меня в более рабочее состояние. В той жизни у меня был пенсионный возраст, а здесь попав в молодое тело, ощущал себя необычно. Как будто жизнь во мне извергается фонтаном, и я впадаю в неконтролируемую радость. Возможно так сознание привыкает к молодым гормонам. Взглянув в зеркало обнаружил, что цвет глаз скорее серо-синий. Вот еще странность, надо понаблюдать отчего глаза меняют цвет в оттенках. Умывшись велел Семёну вызвать урядников. Сотник ещё не вернулся. Когда старшие урядники подошли, дал распоряжение.

– Меня на разводе не будет. Составите несколько групп дозоров с короткими маршрутами. Учебные стрельбы не проводить. Оставшемуся личному составу находиться в готовности, мало ли что случиться. Исполнять!

Забрав груз и десяток казаков выдвинулись на станцию к поезду.

По прибытию в Харбин отправил урядника Мелехова решать наши вопросы с грузом оружия, а сам поехал в железнодорожные мастерские. Там нашел Рыкова. Фёдор Лукич меня порадовал, приготовил приборы бесшумной стрельбы,ПБС для револьверов. Получилось вполне прилично, немного тяжелее чем там, в прошлой жизни, но терпимо. И он успел сделать детали к Маузерам. Тут же на месте собрали уже с новыми деталями. На заднем дворе мастерских я сделал пробные стрельбы из модернизированного оружия. А что, с тридцати метров попадание довольно меткое. Есть правда разброс, но ничего потренируемся, а там и мастерство придет. Тут же договорился с оставшимися Маузерами, благо я их захватил с собой.

– Быстро не получится, точно дней десять провожусь, хоть и помощников привлеку. Восемнадцать штук не шутка, – проворчал Фёдор Лукич.

Но сговорились, думаю он ворчал только для порядка. Я отсчитал ему аванс в размере половины и мы попрощались. Посмотрел на часы, в госпитале обед. Появилась мысль прежде чем проведать Григория, имеет смысл заглянуть к мадам Элизе,гормоны мать их, не дают покоя. Все таки молодость это здорово хоть и хлопотно.

Часам к четырём я приехал в госпитальный приют. Лошади казаков уже стояли здесь, а вот казаки видимо с другой стороны здания, там где окно Григория. Спешившись вошёл в приют, и увидел Ирину Ивановну. Я прикупил сладости к чаю для сестёр милосердия и поздоровавшись передал ей.

– Ну что вы, Иван Дмитриевич, не стоило беспокоиться, – застеснялась она, даже щёки порозовели.

– Берите, берите, Ирина Ивановна, за ваши старания к больным и раненым это такая мелочь, – успокоил я её.

– Иван Дмитриевич, а вы сегодня попоёте песни? – спросила и сконфузилась, но тут же торопливо добавила, – Вы знаете какое сольное благотворное влияние на больных оказывает? А я сейчас с Романом Иссидоровичом договорюсь.

Вот как отказать женщине с такими просящими глазами? Я согласился и Ирина пошла быстрым шагом по коридору. Задержав взгляд на её спине и том что пониже, чертыхнулся. Вот ведь только что из барделя, а взглянул на приятные формы – организм практически готов. Вздохнув, я вошёл в палату Григория. Мой побратим не спал и явно обрадовался посетителю. Он закидал меня вопросами о сотне. Особенно его интересовало приключение связанное с спасением Хилкова. Рассказал конечно, хотя без пикантных подробностей с графиней.

– Ну ты брат выдал! Что угодно готов заложить, но ждет тебя «георгий» или золотое оружие, а скорей всего и то и другое, – искренне радовался Гриша.

Он бы ещё не известно сколько времени разглагольствовал на эту тему, но я прервал его показав ему револьвер с глушителем.

– Это что такое? – заинтересовался он, рассматривая ПБС.

Объяснив для чего и как пользоваться решил показать. Взглянув в окно, я увидел что до ближайшего забора на линии прицела никого нет. Хотя казаки стояли рядом с окном. Вскинув наган сделал три выстрела. Хлопки конечно были, звук остался в палате, даже казаки не услышали или не поняли. Григорий с изумлением снова стал рассматривать оружие с насадкой.

– И как тебе такое в голову пришло? А главное зачем..... Хотя подожди, в разведке такая штуковина ой как пригодиться сможет, – понятливо заулыбался он.

– Именно, Гриша, можно нож кинуть, а можно и стрельнуть, чтобы шума не поднимать. Я кстати на тебя один сделал. И ещё кое что, – достав маузер, я рассказал о стрельбе очередями или одиночными и что ему один экземпляр во владение попадает.

Григорий ещё некоторое время изумлялся моей сообразительности. Но вдруг спросил.

– Это тоже оттуда? – и показал пальцем в верх, после моего кивка добавил, – Чудны дела твои Господи.

– Я тебе гостинцев привез, а в пекарне оставил заказ и денег заплатил. Так что ты когда завтра привезут пироги, на следующий день сам говори что тебе надобно. И не стесняйся, поправляться тебе надо, скоро нас ждут серьёзные дела – инструктировал я его, мой названый брат промолчал, но посмотрел задумчиво.

С каждым днем я всё больше ощущал в Григории близкого, почти родного человека. И не удивительно, ведь в этом мире я был один. Вскоре пришла Ирина и принесла гитару. От чего бы не спеть, радуя лихого казака. И были песни. «Есаул», «Ах судьба моя судьба», «Под зарю вечернюю» и еще несколько которые уже пел в этом мире. Люди искренне благодарили. А я подумал, что права Ирина, оказывает хорошая песня на выздоровление. Взглянув на неё, подумал вот чёрт разголосился, она сейчас навыдумывает себе. Глаза Ирины светились восхищением. Вскоре после песен, нам дали с Григорием попрощаться и я уехал к поезду нужно было возвращаться к службе.

По дороге в расположение урядник Мелехов отчитался по деньгам, полученным за трофеи и лошадей хунхузов. Зная расклад дележа этих средств, я разделил доли и передал причитающееся для казаков Степану. Вечером сам решил обиходить Буяна. Жеребцу нравилось когда я вожусь с ним, он всегда выражал на мои действия довольным пофыркиванием.

– Иван Дмитриевич, тут такое дело.... Прима, Григория Васильевича, течная. Покрыть бы её Буяном. Григорий Васильевич не осерчает? – обратился ко мне ординарец.

– Он вроде и сам хотел. А я думаю чего это Буян сегодня дуреет? – ответил я ему.

– Во, во. И я о том же. Вы завтра оставите его, я все и сделаю. А сами возьмите моего кабардинца, он поспокойней вашего будет, – тут же определился Семён.

– Нет, Семён, не потребуется. У нас есть ведь сотенные кони? – отказался я.

– Есть конечно. Дончаки добрые.

– Вот завтра и оседлай мне. Я несколько дней Буяна трогать не буду.

Долго не мог уснуть. Ведь я так и не решил окончательно, какую позицию занять в этой стране. Вырос я конечно при советах. Служил Родине. Помню дед ещё говорил «Власть может меняться, а Отечество одно». Прав был дед, чего тут скажешь. Но если всё пойдет здесь как в нашей истории, то у меня как князя шансы на выживание стремятся к нулю. Да! Задачка не тривиальная. Революционеры всех мастей взбудоражат страну до безумного кровопролития. Что мне с ними делать? Радикалов конечно нужно убирать с игрового поля. Хотя революции это всего лишь последствия. Причины требуется исправлять или ликвидировать, в том числе и внешнее влияние. Голова у меня уже шумела от мыслей. Да уж, ещё не раз придется поломать над этим голову. Уснул я примерно за полночь. Снились сны об учёбе в кавалерийском учи-

лище моего предшественника, казачьи станицы и хутора, какое то имение. Проснулся снова с головной болью. Часть снов запомнились вполне ярко.

Возле походной кузницы сидят два казака среднего возраста и занимаются тем, что ремонтируют упряжь. В самой кузнице работает казак, имеет он навыки кузнеца, да и у лошадей некоторых поменять подковы требуется. Вот Фрол и выполняет эту работу. Закинув очередную подкову в кадку с водой, он вышел во двор подышать свежим воздухом. Фрол подсел к казакам, которые шорничали.

– Слухай, Фрол, заменишь подковы сегодня? А еще Семён подходил, гутарил у кобылы Григория Васильевича заменить две подковы надо бы, – обратился к кузнецу один из казаков, который возился с седлом.

– Сегодня сделаю, не сумлевайся, – ответил Фрол и выплеснул себе на лицо воду из ковша.

К ним подошёл молодой казак и присев на чурбачок, обратился к казаку с седлом.

– Дядька Агей, наш князь то снова чудит. Кажное утро ножи в сколоченные доски кидает, да ещё всякие острые предметы, – завел разговор молодой казак.

– Хм. А ты как думал Никола? Их благородия хоть и молоды, да только обучение у них правильное, не всякого казака такому учат. Казак в разведке и нож или кинжал кинуть во врага должен уметь, чтобы значит по тихому часового убрать. Тебе бы на ус мотать, а не языком балакать, – ответил Агей Николе.

– Скоро домой поедем на побывку. Я вот скопил гроши, домой приеду ешо скотины прикуплю, да сараи перестроить надо. Сыновья пока дома, а на будущий год старшему справу готовить, служить пойдёт, – включился в разговор казак, который возился с уздой.

– Тебе Василий, есть кому с хозяйством возиться. Вон четыре сына и две дочери. А Алёна у тебя вроде снова на сносях. Ты вообще когда дома живёшь слезаешь с неё? – вроде как в шутку ухмыльнулся Фрол, а Агей и Никола заулыбались.

– Большая семья – крепкое хозяйство, – философски отозвался Василий.

– Подметили, князь наш поменялся. Вот в том бою, где его ранили, с наскоку узкоглазых брали, а вот с обозом совсем по другому. Ухватки у него какие то другие. Тимофей Алёхин всё присматривается, гутарит, что таких он не знает, – продолжил разговор Агей.

– Тимоха хороший казак, из потомственных пластунов, в нашей сотне немного найдётся кто его повалять сможет. Знает что присмотреть и чему новому поучиться, – поддержал разговор Василий.

По двору перемещались казаки начался обычный день, забот у всех хватало. Вскоре позавтракают и на развод. Муштрой казаков не изводили, но и бесцельного шатания не наблюдалось.

Через сутки вернулся Валов. По его виду можно было понять, что находится он в прекрасном настроении.

– Тихон Семенович, вы как именинник, – поприветствовал я сотника.

– Приятные новости, Иван Дмитриевич, подписано представление о награждении. Ещё мне по секрету сообщили, что ждут нас очередные звания. Григорий Васильевич кстати тоже в списки попал, – вполне с довольным видом вещал Валов.

Сотник ещё долго радовался новостям, думаю, что его ожидает повышение по карьерной лестнице. Я в мыслях вернулся к размышлениям о своей роли в этом мире. Может мне отписать пробное письмо от анонима к Николаю Второму. Обозначить даты, поиграть так сказать на мистику. А то ведь не поверит если сказать правду о дальнейшей судьбе Империи. Прикидывая последующие последствия решил, что письмо надо писать. Снова и снова я прикидывал какими должны быть мои действия, чтобы вмешаться в ход истории. Однако всё больше понимал, что один я не в силах что либо исправить. Причин было много, это и зарвавшиеся дворяне, и угнетенные крестьяне. «Добрая» помощь с одного очень симпатичного острова, где

расположились наши партнеры англичане. Хотя я понимал, что просто стоять в стороне не в моём характере. В который раз приходил к выводу, что нужна команда. Письмо отправлю во время поездки в столицу. Так что время есть подумать над содержанием.

Поезд министра сообщений уехал. У нас шли будни служивых. В конце недели я съездил в Харбин, забрал переделанные Маузеры. Посетил заведение «Мадам Элизы» и заехал в госпитальный приют. Григорий уверенно шёл на поправку и я предложил ему перебраться пункт нашей дислокации, тем более на станции был медик. Думаю с перевязками проблем не будет. Да и напрягать Гришу никто не собирался. Я зашёл в кабинет к Панкову, занёс подарки в виде пирожного и конфет медсёстрам. Доктор сказал, что нам нужно поговорить, помялся некоторое время. Я предложил не стесняться.

– Иван Дмитриевич, я знаю, что вы искали надежных людей, для осуществления своих планов. Хочу порекомендовать вам своего младшего брата. Он закончил механическое училище, имеет опыт работы. Не побоюсь сказать, что из него получился неплохой инженер. Я в письме ему сообщил о вас. Брат очень заинтересовался и будет ждать вашего решения, – Панков с ожиданием посмотрел на меня.

– Роман Иссидорович, я с удовольствием встречусь с вашим братом. Тем более, что вы рекомендуете его. В начале июля мы с Григорием воспользуемся отпусками. Планируем посетить столицу. Дайте адрес вашего брата и я отправлю ему приглашение.

– Если честно, князь, я бы и сам поучаствовал в научных разработках таких лекарств. Это будет величайший прорыв в медицине.

– Я обязательно это учту, – улыбаясь, я успокоил Панкова.

Было очень даже неплохо если такой ответственный человек, как Панков возьмётся за мой проект. Поэтому я предложил ему подумать о замене, здесь в госпитале, до конца июля. Доктор заверил меня, что непременно этим займётся.

Через три дня Григорий вернулся в расположение сотни. Сотник поручил ему заниматься с казаками тренировками и стрельбами. Всю неделю я ездил в патрули, никакого экстрима не было, видимо хунхузы попритихли, хотя позже убедился в ошибочном убеждении. Переделанные Маузеры забрали и сложили себе в багаж, оставив с Григорием себе по одному. Гриша взялся тут же пристреливать свой, для этого он отходил метров на триста от нашего расположения. Наш сотник, узнав, долго восхищался. Пришлось подарить и ему, чтобы его жаба не задушила. Теперь ходит довольный как кот, которому банку сметаны дали. По вечерам начали разрабатывать тактику глубинных рейдов по тылам противника. Григорий ни разу не удивился, заявив что такими делами вполне занимались пластуны. А перед сном я по прежнему размышлял о своей роли в судьбе России. Нет, я не релаксировал. В прошлой жизни или в будущей я и не такими делами занимался, в том числе и ликвидацией нехороших «редисок». Да и тоской по социализму не маялся, хоть и вырос в такой стране. По рассказам родителей Россия достаточно хорошо развивалась, с приличными темпами в экономике. На мой взгляд, гибель десятков миллионов людей для достижения социализма, большая плата. Точнее непомерная. Хотя реформы нужны стране. Я и Коленьку, царя нашего, грохну если понадобится. Правда хочется, чтобы он всё таки сам додумался, или поможем ему. Вот так и строил перед сном планы достойные Наполеона.

Пошла третья декада июня. Валов уезжал на три дня, вернулся какой то возбужденный. На улице стояла жара и мы с Григорием сидели на веранде наблюдая как казаки валяют друг друга на тренировке. Патрули отправили с унтер офицерами во главе. Приехав, Тихон Семёнович позвал нас в канцелярию.

– Господа офицеры, у меня важная новость, – заявил он.

– Поделитесь с нами Тихон Семёнович, – отозвался Григорий.

– Нам дано распоряжение готовить территорию для увеличения личного состава. Нас формируют как отдельный дивизион, с двумя полными сотнями и добавят конную артиллерий-

скую батарею. Четыре трёхдюймовые пушки с расчётами и офицерами. Нам требуется подать списки на повышение чинов унтеров и вахмистров. Пополнение будет из рядовых казаков. Офицеров не хватает. Выпуск из училищ будет только в середине лета. Вам Григорий Васильевич дадут чин сотника. Вам, Иван Дмитриевич – штабс-ротмистра. Я получаю чин есаула, – Валов прервался, чтобы выпить воды.

– С чего такая суета? – спросил я.

– Восстание боксёров набирает силу. Хунхузы сбиваются в отряды до тысячи и более человек. Думаю нас ждёт большая заварушка.

– Предлагаю в списках отразить из наших казаков до младших вахмистров. Мелехова, Алёхина, Лазарева и Петрова. Урядникам дать чины, а из казаков тоже есть старательные, подадим с Григорием списки, – вклинился я в речь Валова, а он продолжил.

– Ордена всем подписали, даже меня не забыли, получу «Владимира с мечами», Григорию Васильевичу «клюква». Вам, Иван Дмитриевич «Георгия». А вот что дадут за спасение министра и фрейлин не знаю. Решение от Императора будет. Вам обоим положен отпуск после ранения. Рассчитывайте до конца июля, в последних числах должны быть оба на месте. Хотя вас, князь, могут и в столице оставить, есть такие разговоры. Алексеев как ужаленный, нервничает. Мундиры завтра же приведите в соответствие с чинами.

Когда мы вышли с Григорием из канцелярии, я добавил, что не мешает под шумок включить в список наших ординарцев. В общей куче не заметят.

Утром Степана Мелехова отправили в Харбин за знаками различия и прочей атрибутикой с тройкой казаков. Заодно и списки завезут начальству. В последующие дни начало прибывать пополнение. На станцию добавили две роты пехотинцев. Нашему отдельному дивизиону нарезали на карте территорию патрулирования. Мы всерьёз взялись за казаков по обучению. Пока тихо, нужно использовать время. В конце месяца мы с Григорием выехали в отпуск.

Июль 1900 год. Имение Рытиковых. Санкт-Петербург.

Да здравствует долгожданный отпуск. Так и есть мы с Григорием и ординарцами едем на побывку. Для начала наш путь лежит в станицу Марьинскую, в имение Рытиковых. Семья Григория, потомственные дворяне. Их имение находится недалеко от реки Малка, что на южной границе Ставропольской губернии. Дед Григория, Кузьма Тихонович Рытиков родом из станицы Гундоровской. В тех краях есть у Рытиковых приличное имение. А вот отец Григория, за заслуги перед отечеством был пожалован имением в Марьинской, где проживает на сегодняшний день Василий Кузьмич с семьёй и младшими детьми. Точнее, есть у Гриши кроме двух старших братьев, есть младший брат и две младшие сестрёнки. Сёстры можно сказать на выданье. Заглядываются казаки на невест Рытиковых. Да и что тут сказать, крепкий дворянский род, многие хотят породниться с такими. Мы с Григорием, точнее не я, а мой предшественник, выросли именно в Марьинской. Хотя, по рассказам Гриши, часто бывали в Гондуровской. Меня память познакомила только с жизнью именно в Марьинской. Я немного беспокоился, что Рытиковы заметят изменения в моём поведении. Василию Кузьмичу не раз предлагали перевестись в Терское казачье войско, но он по прежнему оставался в Донском войске. Многие казаки с Марьинской и округи, тоже попадали на службу в Донское войско. Поговаривали, что переведут отца Григория в Новочеркаск, по службе. Были ещё имения у Рытиковых, но их отец Гриши переписал на старших братьев. Это всё мне рассказывал Григорий по дороге, искренне сочувствуя потери моей памяти. Много мы говорили и о нашем вопросе, какие действия нужны для исправления ситуации в Империи. Меня не удивило, что Гриша спокойно отнесся к ликвидации революционеров и казнокрадов. Особенно после того как я сказал, что казачество пострадает от изменений в стране. Что тут сказать, до мозга и костей он к казачеству относится щепетильно.

Прибыли в имение, где нас встречали как дорогих гостей. Василий Кузьмич осмотрел нас и выразил «Орлы!». Порадовался нашим наградам и посмеялся над Григорием.

– Что, Гриша, так и обгоняет тебя Иван? Не журись будут и у тебя ещё ордена.

– Да я не беспокоюсь, наоборот радуюсь за брата. Тем более, что в столицу он едет, там ему золотое оружие вручат, – смеясь сообщил Григорий.

Действительно, наградили меня «георгием» четвёртой степени и «золототым оружием». Гриша получил орден Святой Анны. Нам обоим присвоили очередное звание, мне штабс-ротмистра, а Григорию – сотника.

– Сколько здесь будете? – спросил Василий Кузьмич.

– Гриша дней десять. А я в Петербург, там пока не знаю, намекают на другое назначение.

– Не торопись соглашаться. Ваш отдельный дивизион будут формировать сначала в отдельный полк, а потом в дивизию, сведения верные. Хотя отговаривать не буду от столицы. Сам решишь, если посчитают спрашивать твоё мнение.

– Интересно.... – задумчиво протянул я, но генерал продолжил.

– Иван, ты знаешь, я всегда считал тебя сыном. Потому сообщу важные новости. Та тактика, что вы придумали с Григорием, заинтересовала государя. На этот счёт уже есть особое решение императора. Без протекции не обошлось, кто давал протекцию, я могу только догадываться. Я бы советовал тебе остаться в особом дивизионе.

– Батя, мы хотим оставить Приму с Буяном. Кобылу покрыли, должен быть толк, – вставил в разговор, свои пять копеек Григорий.

– Это хорошо, я сам хотел просить об этом. У меня организован небольшой заводик по производству лошадей. Записал на тебя Гриша и на тебя Иван. Прикупил трёх кобыл хороших кровей, ахалтекинцы вороной, гнедой и золотисто-гнедой. Через год обещали привезти племенного жеребца и ещё двух кобыл. Есть у меня англичанки, попробую селекции проводить и орловцы есть. Управляющего грамотного взял, так что там порядок, – было видно что старшему Рытикову было в удовольствие говорить о конезаводе.

Мы ещё поговорили о делах семейных. Немного о политике в империи. Причём я был приятно удивлен позицией старого генерала. Он сетовал, что Император Николай 2-ой совершенно не достоин своего отца. К управлению государством подходит неохотно. Не нравилось Рытикову и то, что в правительстве преобладают карьеристы и казнокрады, которые больше пекутся о своей мошне. Потом был праздничный ужин. Где присутствовали сёстры Григория, Анна шестнадцати лет и Ксения четырнадцати лет. Младший брат Гриши, Тихон, учился в артиллерийском училище второй год. Ожидали его на каникулы в конце июля. Аксинья Семёновна, мать Григория, радостно улыбалась. А в глазах её нет нет да поблёскивали слёзы. А я подумал, что эта женщина выкормила моего предшественника и наверняка считала его сыном, вполне по праву. Мне она тоже понравилась. Видно было, что в молодости она была красавицей, о чем свидетельствовали прекрасные лица дочерей, похожие на мать. В семье Рытиковых не чувствовалось столичного лоска, который я представлял по фильмам в моём будущем. Я бы охарактеризовал всю семью, как сельские дворяне. По сути они и были таковыми. В какой то мере я почувствовал себя как дома. В прошлой своей ипостаси, я был одиноким волком, кроме племянницы Алены толком не роднился ни с кем. Именно она принесла в мой дом уют. Потому я просто наслаждался моментом.

После ужина, мы уединились в кабинете Василия Кузьмича. Закурили папиросы, были здесь и сигары. Григорий с разрешения отца разлил коньяк по бокалам. Немного помолчали и Василий Кузьмич, как бы осмелившись начал разговор.

– Вот что Иван. Тайна эта не принадлежала мне. А сейчас я думаю тебе пора знать, да и разрешили мне поведать всё тебе. Родом ты действительно Багратион. Князь правильно признал тебя, так как является тебе родным отцом. А вот мать. До сих пор ничего не говорили. Твоей родной матерью приходится Великая княжна, а ныне герцогиня Макленбург-Шверинская Анастасия Михайловна. Так что по материнской линии ты не только потомок Романовых, но и потомок датских королей, – Василий Кузьмич вздохнул и замолчал, о чём то думая.

Гриша смотрел на меня, округлив глаза, он явно был не в курсе. Я и сам то обалдел. А старший Рытиков продолжил.

– Не суди строго. Так вышло, твои мать и отец были юными и наделали глупостей. Анастасия Михайловна была обручена, разрушить будущий династический брак никто не решился. Вот тогда в тайне мы и взяли тебя как сына. И тайну эту удалось сохранить. Великий князь Михаил Николаевич составлял протекцию по возможности. Он кстати ждёт тебя в Петербурге. Насколько я знаю неплохое наследство приготовлено. Однако для нас ты по прежнему как сын, помни это всегда.

Снова помолчали. Честно сказать я не находил слов. Теперь понятно почему мне память не подсказала, предшественник сам не знал об этом. Молчание прервал Григорий, перевёл на тему новой тактики, которую мы обсуждали в Маньчжурии. Тема понравилась генералу, за обсуждением мы засиделись до полуночи. Гостил я в имении Рытиковых три дня, после выехал в столицу. Семёна я оставил, пусть погостит у родных. Сговорились, что через Рытиковых сообщу куда и когда ему выезжать.

В поезде предстояла дорога длинная, так что я приступил к составлению планов на будущее. От письма Николаю 2-го решил отказаться. А вот его матери, Марии Фёдоровне стоило написать. Женщина она была умная, хоть и отодвинули её от политики. Думаю что она с удовольствием вернётся к насыщенной жизни. Возможно сможет повлиять на сыновей. Тот же Михаил, ещё молод, не успел заработать имидж пустого гуляки, который гоняется за юбками. Да и по истории в армии его уважали. Насколько помню впоследствии он командовал «Дикой дивизией». Любили его кавалеристы, которые в основе были из казаков и кавказцев. А Николаша, пожалуй и не потянет. Тем более он наследником назначил Михаила, пока сын не родится. А ведь вообще то хотел передать Михаилу бразды правления по достижению совершеннолетия брата. Да видно понравилось ему, а может его «мухе». Как же её называли? Муха, муха – цикатуха… Ах, да! Звали её в народе «Гессенская муха». Абсолютная англофилка. Сколько она карьеристов и англофилов в правительство протащит, уму не постижимо. Да ещё и шашни разведёт с Распутиным. Хотя там думаю все отметились от фрейлин и до дворянок. Было бы хорошо, если бы Николаша отказался от престола. Но ведь не откажется, да и жена не даст. Наверняка он у неё под каблуком. Никаких угрызений совести или ещё чего, я не испытывал, доведись мне грохнуть царя. В прошлой жизни были случаи ликвидации высокопоставленных лиц. Только делать придётся одному. Не поймут-с меня местные современники. Тот же Гриша не поймёт. Для них царь это священно. Это мы в будущем станем более извращёнными. А здесь и сейчас всё по другому. Дождаться когда у императора четвёртая дочь родиться, а уж потом его отправить к предкам. Знал я кое какие средства по ядам и химическим препаратам, чтобы быстро умертвить клиента, которые кстати можно приобрести в простой аптеке. Правда первичными целями у меня стояли генерал-адмирал, братец прошлого императора, Алексей Александрович. Ну и Рожественский Зиновий Петрович, который сгубил флот в Цусимском сражении. Алексис, как его называли родственники, управлял флотом. Больше по баллам да по бабам мотался, потому и пришёл русский флот в негодность. А Рожественский тоже начальник негодный. Снобизм и собственное Эго быстрей его впереди бегут. Так что эти две фигуры надо смахивать с шахматной доски без сожаления. Приеду в столицу надо будет плотно заняться этими «фруктами». Черновик письма писал от руки, для Марии Фёдоровны. Почему вдовствующей императрице? Было несколько причин. Она не любила немцев, хотя не любила мягко сказано. К англичанам относилась прохладно, не верила она англосаксам. Печатную машинку заказал у начальника поезда, мне в такой услуге не отказали, на одной из крупных станций принесли машинку «Ундервуд». Я спокойно переписал черновик на чистые листы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.